

ТРИ ЭТАПА И ДВА ПУТИ РАЗВИТИЯ ФРАНЦУЗСКОГО АБСОЛЮТИЗМА

В.Н. Малов

Вопрос об особенностях «французского варианта» развития абсолютизма был уже поставлен мною в монографии о Кольбере¹. Напомним, в чем именно состояли эти особенности.

Прежде всего, надо иметь в виду, что Франция встала на путь перехода к абсолютизму раньше других европейских государств. Главным критерием перехода от сословно-представительной монархии к абсолютной я считаю получение монархией права взимать постоянный налог не спрашивая на то согласия сословно-представительного собрания (во Франции – Генеральных Штатов)². Такое право французская корона присвоила себе явочным порядком еще с 1440 г. Речь идет об основном прямом налоге, талье.

Взималась талья по принципу разверстки, идущей сверху вниз: сначала Королевский совет определял общий размер сбора на данный год по потребности и распределял его между отдельными провинциями; в провинциях спущенную сверху квоту распределяли между более мелкими податными округами (элекциями) и затем дело доходило до деревень, где сельские общины выбирали раскладчиков и коллекторов. В общем, получалось что-то вроде подоходного налога, только

Владимир Николаевич Малов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ Малов В.Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991. С. 10 и сл.

² Естественно, это определение нуждается в пояснениях, коль скоро речь заходит об английском государственном строе эпохи Тюдоров, который также по традиции именуется абсолютизмом. Видимо, точнее было бы считать его сословно-представительной монархией с сильной центральной властью; впрочем, надо учесть тот дополнительный «абсолютистский» импульс, который был придан английской монархии огосударствлением церкви и присвоением монастырских имуществ. Когда этот импульс иссяк, монархия Карла I погибла при первой попытке стать «настоящим» абсолютизмом континентального образца.

собираемого лишь с непривилегированных – дворянство и духовенство талью не платили. Никто не мог помешать монарху ежегодно назначать именно такой размер тальи, какой был ему нужен.

А постоянный налог – это постоянная армия. Отныне короли могли собирать Генеральные Штаты лишь от случая к случаю, по необходимости: они обходились без них в первой половине XVI в. – при Франциске I и Генрихе II, а второй половине XVI в., во время Религиозных войн, хотя и созывали сравнительно часто, Генеральные Штаты уже не вогировали налоги, но лишь высказывали перед королем пожелания его подданных. Наконец, в 1614 г. Генеральные Штаты были собраны в последний раз и с тех пор не собирались целых 175 лет, до самой революции (хотя во время Фронды обещание их созыва давалось дважды).

Правда, тут же надо сказать, что новый принцип налогообложения применялся далеко не последовательно. Отдельные французские земли входили в состав королевского домена на договорных началах, оговорив сохранение своих привилегий. В ряде провинций (Бретани, Бургундии, Лангедоке, Провансе и некоторых других) действовали свои сословные собрания – провинциальные Штаты, и взносы в королевскую казну здесь определялись не одной лишь монаршей волей, а компромиссом между запросами короля и тем, что соглашались вогировать провинциальные собрания, которые потом сами и организовывали сбор налога. В результате, эти «земли Штатов» оказывались сильно недообложенными. С этим существенным исключением, распространявшимся почти на четверть территории Франции, на ее остальных трех четвертях король сам определял размер постоянного налога и взимал его силами своей администрации. Начало абсолютной монархии было положено.

Причиной столь раннего начала была необычайно сильная потребность в национальном единстве, проявившаяся в критические годы Столетней войны. Феномен Жанны д'Арк, отражавший исключительный подъем общезападного патриотизма, и раннее начало абсолютизма во Франции – явления не только одновременные, но и одноплановые.

Но именно потому, что процесс начался очень рано, Франции не нужно было догонять ушедших вперед соседей, перенимать чужой опыт в построении абсолютизма (и Франция его, действительно, практически не перенимала) – вообще не нужно было слишком сильно форсировать ход эволюции: раз уж был взят определенный рубеж, дальше можно было положиться на естественный, эволюционный ход развития. Отсюда склонность к постепенности и компромиссу, нелюбовь к резким движениям, которая в целом определила историю

французской абсолютной монархии – хотя в критические моменты, связанные с тяжелыми внешними войнами, эту постепенность старались преодолеть, придавая движению новые импульсы. В общем же можно сказать, что именно запрограммированность французской монархии на замедленные темпы прогресса в условиях, когда требовались совсем другие темпы, и сделала, в конце концов, революцию неизбежной.

Складывание абсолютной монархии во Франции началось еще на той стадии административной истории, когда управленческая функция не мыслилась отдельно от судебной: для средневекового монарха управлять – это и значило вершить суд. С этой точки зрения французский абсолютизм на первом этапе его развития (примерно до середины XVI в.) можно назвать *судебной монархией*.

Изначально, когда монархия была еще «государством феодалов», т.е. феодальным государством в узком смысле слова, и дела управления, и доходившие до монарха судебные тяжбы решались в Королевском совете («Королевской курии»), куда входили принцы крови, крупнейшие вассалы, назначавшиеся королем высшие сановники (канцлер, коннетабль и др.) и, наконец, вводившиеся туда монархом отдельные советники, сведущие в правовых или финансовых вопросах. Этот совет не имел постоянного местопребывания, а находился при монархе, разъезжая с ним по стране.

Но росли королевские владения и вместе с ними объем рассматриваемых дел, росли необходимые для справок о прецедентах архивы. В середине XIII в. произошла первая метаморфоза – из Королевского совета выделился специализированный трибунал из юристов, который и стал называться Парижским парламентом. Он уже не кочевал по стране, но постоянно пребывал со своими архивами в Париже, в старом королевском дворце на острове Сите, который впоследствии стал собственной резиденцией парламента и других верховных судебных палат (Дворец Правосудия). С середины XIV в. парламент оформляется как влиятельная корпорация, имеющая право сама выбирать (естественно, с согласия короля) своих новых членов³.

В XV в. парламент уже был сложным организмом с многообразными функциями. Помимо Большой палаты, рассматривавшей дела высшего государственного значения, судившей в последней инстанции важнейшие процессы (особенно возбужденные против принцев, пэров и высших коронных сановников) и регистрировавшей

³ См.: Цатурова С.К. Офицеры власти. Парижский парламент в первой трети XV века. М., 2002.

королевские эдикты и папские буллы, были еще две «Апелляционных палаты» (*Chambres des Enquêtes*; к 1567 г. их число дойдет до 5), принимавшие апелляции на решения нижестоящих трибуналов, и Палата прошений (*Chambre des Requetes*; в 1580 г. их будет две), судившая в первой инстанции с апелляцией в Большую палату дела привилегированных особ (кроме самых высокопоставленных, подлежавших суду только Большой палаты). Существовала также специализированная Уголовная палата (*Tournelle*), пополнявшаяся в порядке ротации теми советниками Большой и малых палат, которые не были духовными лицами (последним не подобало участвовать в вынесении смертных приговоров). Между палатами были свои споры: советники младших палат (зачастую молодые люди, начинавшие там свою карьеру) добивались как можно более частого проведения общих заседаний парламента, где они могли использовать свое численное превосходство.

Главой парламента был его первый президент, с конца XV в. непосредственно назначаемый королем (ранее он назначался из нескольких предлагаемых парламентом монарху кандидатов). Ему помогали президенты Большой палаты (4 в конце XV в., к середине XVII в. их число увеличилось до 8). Оперативная связь между королем и парламентом осуществлялась через т.н. «коронных магистратов» («людей короля» – «*gens du roi*»); ими были один королевский прокурор и два королевских адвоката, которые должны были представлять парламентариям законодательные инициативы монарха и сообщать королю возражения парламента, если таковые имелись.

Одновременно с Парижским парламентом, в XIII в. выделяется и оседает в Париже еще одна верховная судебная палата – Счетная палата (*Chambre des Comptes*), которая проверяла отчетность всех финансовых органов и также выносила в последней инстанции приговоры по делам, связанным с финансовыми злоупотреблениями.

Сто лет спустя, в XIV в., когда появились налоги (до этого король в принципе должен был жить на доходы со своего домена), появляется и специализированная Налоговая палата (*Cour des Aides*)⁴. Она также не только организовывала сбор налогов, но и вершила суд по делам, связанным с налогообложением – в большинстве случаев также в последней инстанции (только смертные приговоры должны были утверждаться в Счетной палате и в Парижском парламенте).

⁴ Ранее в нашей историографии этот термин было принято переводить буквально, как «Палата косвенных сборов», хотя слово «*aides*» исконно обозначало налог вообще, и в реальности эта палата ведала сбором не только косвенных налогов, но и тали.

А что же Королевский совет, который продолжает действовать при особе монарха, разъезжая вместе с ним по стране? Кажется бы, теперь-то он может освободить себя от исполнения судебной функции? Так оно и должно было быть по нашей логике разделения властей – но не по логике того времени, поскольку никому просто не приходило в голову, что совет при особе монарха может не судить. И он продолжает судить – а это значит, что возникают споры о компетенции: какие дела рассматривать в Королевском совете, какие – в Парижском парламенте или других верховных палатах. Королевский совет, например, приказывает забрать интересующее его дело из ведения парламента (т. н. «эвокация»), парламент возражает – такого рода конфликты были постоянным явлением, и только Людовик XIV навел в этом деле некоторый порядок.

Поскольку Королевский совет одновременно занимается и политическими делами, и судом по разным частным спорам – в его недрах вновь возникает потребность в специализации. В конце XV в. отпочковалась новая судебная палата – Большой Совет (Grand Conseil). От ранее выделившихся палат, которые все возглавлялись первыми президентами и президентами, сносаясь с монархом через «коронных магистратов», он отличался своей структурой: вплоть до 1690 г. Большой Совет не имел первого президента, а возглавлялся непосредственно канцлером Франции. К тому же, он довольно долго «кочевал» вместе с двором и только при Генрихе III (1574-1589) осел в Париже. Это повлияло на его политическую позицию: из всех верховных палат Большой Совет был самой склонной к послушанию правительству, что сказалось и в годы Фронды.

Появление Большого Совета стимулировалось еще и тем, что в XV – начале XVI в. в ряде французских земель – прежде всего в тех, где были провинциальные Штаты – оформились свои парламенты, счетные и налоговые палаты, по отношению к которым парижские верховные суды, в чьих округах осталось, правда, более половины Франции, имели лишь моральный авторитет старшинства. Ни одного дела забрать к себе или принять на апелляцию, скажем, из Тулузского или Бордосского парламента Парижский парламент не имел права: провинциальные коллеги были ему не подотчетны. Отличие Большого Совета состояло в том, что его полномочия, как и у Королевского совета, распространялись на всю Францию. Но он не обладал таким авторитетом древности, как старые верховные палаты, на которые ориентировались провинциальные суды низшего ранга, а потому сравниться с ними по влиятельности не мог. Все же он приобрел некоторую специализацию: в нем обычно рассматривались споры, связанные с обладанием церковными бенефициями.

Главное же, и после обособления Большого Совета совет при монархе по-прежнему продолжает судить. В Королевском совете выделяется (но уже не обособляется) большая судебная секция, где докладывают дела королевские докладчики (рекетмейстеры – *maîtres des requêtes*), которые и сами, как коллегия, составляют особый судебный трибунал, но с апелляцией уже не к Королевскому совету, а к Парижскому парламенту, членами которого эти докладчики считаются – ситуация весьма запутанная. Для советников парламента переход в группу королевских докладчиков (численность которых выросла с 8 в конце XV в. до 70 в 1642 г.) означал приближение к рычагам административного управления: рекетмейстеры считались помощниками канцлера как главы всей юстиции и их часто посылали в провинцию со специальными правительственными поручениями. Они могли выступать инициаторами эвокации судебных дел из парламента в свой трибунал или в судебную секцию Королевского совета и в то же время, юридически оставаясь членами парламента, могли при покушении на их корпоративные интересы обращаться к нему с просьбой о защите, что и произошло в самом начале Фронды.

На местах существовала та же нераздельность судебной и управленческой функции. Основными судебно-административными подразделениями были бальяжи или сенешальства (их насчитывалось около сотни), сами делившиеся на еще более мелкие подразделения (превотства, шателлени, виконтства и т. п.). В рамках бальяжей проходили выборы в Генеральные Штаты, редактировались сборники обычного права (кутомы), осуществлялся полицейский надзор – и в то же время имелись бальяжные (а ниже их – превотальные) судебные трибуналы, судившие с апелляцией к соответствующему парламенту. В 1552 г. в большей части бальяжей были созданы президиальные суды, судившие в последней инстанции все гражданские дела, где оценка спорного имущества не превышала определенный максимум.

В финансовом ведомстве существовали свои подразделения, не совпадавшие с судебно-административными. Если доменальные доходы вначале собирались в рамках бальяжей, то сбором прямых и косвенных налогов ведали элю (*élus*), распоряжавшиеся в элекциях (*élections*), на которые была разделена большая часть Франции, за исключением некоторых «земель Штатов», обладавших собственной налоговой администрацией. Слово «элю» означает «выборные», и при своем появлении в середине XIV в. они были действительно выборными агентами вотировавших налоги Генеральных Штатов, но очень скоро превратились в королевских назначенцев, сохранив старое имя. К XVI в. элю не были единоличными хозяевами в своих элекциях: их было по крайней мере двое, и это число возросло, а в 1578 г. их

коллективы пополнились должностями первого президента и «коронных магистратов» и стали действовать как судебные трибуналы – они уже не только собирали талью и косвенные налоги (акцизы или «эд» – *aides*), но и судили в первой инстанции споры по вопросам обложения этими налогами, с апелляцией в свою Налоговую палату. Аналогичный путь развития прошли «греньетье», взимавшие в особых «соляных округах» (*greniers à sel*) специальный соляной сбор габель: их коллегии тоже к концу XVI в. превратились в судебные трибуналы.

В 1542 г. финансовому управлению был дан сильный централизаторский импульс: вся Франция – как «земли элекций», так и «земли Штатов» – была разделена на 16 генеральных податных округов, «генеральств» (*généralités*), вместо слишком больших четырех, существовавших ранее. В них вершили дела «генералы финансов», ведавшие сбором налогов, и «казначей Франции», распорядившиеся получением домениальных доходов. Затем их должности были объединены и все они стали называться «казначеями Франции». Число их, естественно, увеличилось, и к 1580-м годам они составили коллегии, т.н. «финансовые бюро». По принятым нормам, в каждом таком бюро в 1581 г. был один президент и 6 казначеев Франции, а в 1586 г. – 2 президента и 8 казначеев. Таким образом, в рамках генеральств было впервые объединено на местном уровне руководство сбором всех королевских доходов: домениальных, тальи, косвенных сборов и габели.

Члены финансовых бюро помнили о своем столичном происхождении: до 1523 г. (когда генеральств было всего 4) и «генералы финансов», и «казначей Франции» составляли центральный совет финансов, пребывая в столице. Перенеся свою деятельность в провинцию, они все же считались членами Счетной палаты и обладали, подобно верховным судам, правом регистрации королевских эдиктов. К нижестоящим элю они относились как к своим подчиненным, что порождало постоянные конфликты (происходившие и в годы Фронды), в которые вовлекались столичные суды – опекавшая финансовые бюро Счетная палата и покровительствовавшая судьям элекционных трибуналов Налоговая палата. С некоторым запозданием, но, в конечном счете, и финансовые бюро стали судебными трибуналами: в 1627 г. при них появились «коронные магистраты», и «казначей Франции» стали судить дела о королевском домене и дорогах, изъяв их из компетенции бальяжных судов; апелляции на их решения принимали соответствующие парламенты.

Итак, на примере органов местного финансового управления мы видим, что принцип соединения управленческих и судебных функций был не только исконным, рудиментарным – он обладал собственной логикой развития и способностью к распространению.

В общеполитическом отношении Франция делилась на большие земли – провинции, во главе которых стояли назначенные королем и представлявшие его особу губернаторы из высшей знати и замещавшие их генеральные наместники (*lieutenants généraux*); при них тоже были свои советы как с административными, так и с судебными функциями.

Вся система судебной монархии увенчивалась величественной фигурой канцлера Франции – первого лица в судебской иерархии, авторитетнейшего юриста и вместе с тем главы всей гражданской администрации, назначаемого королем в принципе пожизненно и по праву председательствовавшего, если не было монарха, в любой секции Королевского совета и возглавлявшего Большую канцелярию, где составлялись и заверялись королевские грамоты. Сместить канцлера можно было только по суду за государственное преступление. В остальных случаях его можно было лишь отстранить от дел, отняв у него государственные печати, которые тогда передавались специально назначенному хранителю печатей – но свой сан канцлер сохранял до конца жизни.

Не только Королевский совет совмещал функции управления с судебными: верховные палаты тоже не могли забыть о своем высоком происхождении и были более чем просто судами. Спонтанным образом парламенты принимали на себя распорядительные функции по отношению к муниципалитетам своих городов. Так вел себя Парижский парламент по отношению к парижской ратуше. В его ведение входил надзор за порядком в столице, за ее продовольственным снабжением, за ремесленниками и университетом. Парламент контролировал и действия властей в тех баляжах, что входили в его округ.

Уникальное значение Парижского парламента определялось тем, что в его заседаниях могли по приглашению короля участвовать принцы крови и пэры Франции – и тогда он превращался в Палату пэров, орган с особым политическим авторитетом.

Но главную роль в политическом возвышении парламента и других верховных палат сыграла полученная ими важная прерогатива: право регистрации королевских эдиктов. Если судьи обнаруживали в предлагаемом акте противоречия с правовыми нормами, они могли отложить регистрацию, обратившись к королю с просьбой о пересмотре эдикта («ремонастрацией»). Палата могла, получая отказы, несколько раз обращаться с такими ремонастрациями или же могла зарегистрировать акт с внесенными ею самой оговорками (против чего, впрочем, всегда возражала власть, и что было источником конфликтов). Но даже и не отказывая прямо в безоговорочной регистрации королевских актов, палаты имели возможность влиять на их применение, издавая свои толкования различных спорных казусов. Эту практику решительно

запретил Людовик XIV, требуя в случае подобных сомнений обращаться непосредственно к королю. Итак, можно сказать, что тогдашние верховные французские суды исполняли функции современных конституционных судов, хотя их вето и могло иметь не абсолютный, а лишь отлагательный характер.

Верховные палаты не сразу стали активно пользоваться этой политической возможностью. Не парламенту, а университету и ратуше принадлежало в 1413 г. идейное руководство парижским восстанием «кабошьенов», остро поставившим вопрос о реформах государственного управления. Приглашенные присоединиться к требованиям оппозиции, парламентарии благоразумно заявили, что могут заниматься общественными делами лишь в том случае, если их пригласит к этому король. Соответственно и в майском «кабошьенском» ордонансе 1413 г., навязанном повстанцами правительству, парламент и другие верховные палаты рассматривались только как органы королевского судебного аппарата. Из статей ордонанса, посвященных парламенту (ст. 154-165)⁵, видно, что общество уже тогда было озабочено наметившейся тенденцией к пожизненному обладанию парламентариями их должностями, распространенной в их среде семейственностью, недостаточной компетентностью некоторых молодых советников.

После подавления движения власть оценила лояльность парламента. Потревоживший его ордонанс был отменен именно на «королевском заседании» (*lit de justice*) в его стенах, да еще со ссылкой на то, что отмененный акт был недействителен, поскольку его предварительно не обсуждали ни в парламенте, ни в Королевском совете.

Можно согласиться с мнением Э. Глассона: «Сами короли побудили парламент выйти за рамки его нормальных функций и вовлекли его в политику»⁶. Как ни странно, больше всего для этого сделал деспотичный и жестокий Людовик XI.

Укрепление абсолютизма проходило при нем в очень сложных условиях противостояния с могучим герцогством Бургундским, и хитрый король сам был заинтересован в том, чтобы парламент как бы вопреки воле монарха аннулировал вырванные у него силой уступки. Именно Парижский парламент отказался регистрировать Конфланский договор, заключенный в 1465 г. Людовиком XI с Лигой общественного блага и содержавший слишком большие уступки монарха феодальной оппозиции.

⁵ Recueil général des anciennes lois françaises (далее – RGALF). Т. 7. П., 1825. P. 328-334.

⁶ *Glasson E. Le parlement de Paris, son rôle politique depuis le règne de Charles VII jusqu'à la Révolution.* P., 1901. Т. 1. P. 2.

Понимая полезность такой политической роли своих судей, король решил увеличить их авторитет, даровав им фактическую несменяемость. Так появился эдикт 21 октября 1467 г., где провозглашалось: «Отныне мы не будем жаловать никаких наших должностей, если они не будут вакантными по причине смерти или из-за совершенно добровольного, должным образом оформленного отказа от них их владельцев – или же вследствие уголовного преступления (*forfaiture*), коль скоро его факт будет установлен судом в должных юридических формах, при компетентности судей»⁷. Иными словами, судью нельзя было лишити должности, если только он не был осужден за конкретные преступления теми судьями, которые имели право его судить (т.е. его же коллегами, а не каким-либо чрезвычайным трибуналом). И хотя Людовик XI не был склонен всерьез относиться к таким обещаниям и сам же их нарушал, принцип несменяемости должностных лиц все же был провозглашен. Спустя полвека Клод Сейссель в своем трактате «Великая французская монархия» писал, что во Франции юстиция «обладает большим авторитетом, чем в любой другой стране» – в частности, потому, что судьи «несменяемы (*sont perpetuelz*), и короли не властны их уволить иначе как за преступление»⁸. Уже Людовику XI пришлось столкнуться с нежеланием возвышенного им парламента регистрировать ряд королевских эдиктов, противоречащих «общественному благу»⁹.

А после смерти этого монарха авторитет парламента попыталась использовать аристократическая оппозиция. 17 января 1485 г. представитель герцога Луи Орлеанского (будущего Людовика XII) явился в Парижский парламент «как в суверенный суд, долженствующий следить (*avoir l'oeil et regard*) за великими делами королевства» с протестом против действий правительства регентши Анны де Боже, фактически отстранившего от власти формально совершеннолетнего Карла VIII¹⁰. Не желая вмешиваться в борьбу придворных партий, парламентарии уклонились от предложенной им роли верховных арбитров и ответили так же, как их предки в 1413 г.: они могут заниматься большой политикой только тогда, когда их пригласит к этому сам король.

Иначе повел себя Парижский парламент при том же Карле VIII, когда речь зашла о регистрации финансовых актов. Он решительно отказался одобрить намерение короля собрать в свою пользу десятину с

⁷ RGALF. T. 10. P., 1825. P. 542.

⁸ *Seyssel Cl.* La grande monarchie de France. P., 1557. P. 12.

⁹ *Glasson E.* Op. cit. P. 9.

¹⁰ RGALF. T. 11. P., 1827. P. 123.

французского духовенства, причем, с согласия папы. Однако именно этот сговор короля и папы не понравился парижским судьям, всегда отстаивавшим галликанский принцип автономии французской церкви от власти Рима: парламент заявил, что кроме санкции Ватикана требуется еще согласие самого духовенства Франции, и от проекта пришлось отказаться.

В 1497 г., после смерти энергичного первого президента Лавакри, Карл VIII решил усилить контроль над парламентом, утвердив принцип непосредственного назначения королем его лидера. Ранее монарх назначал главой парламента одного из нескольких кандидатов, выбранных его членами. Парламентарии и на этот раз приступили к голосованию и выбрали трех человек, но король демонстративно назначил четвертого. Отныне первый президент парламента стал королевским назначенцем, и принцип несменяемости перестал на него распространяться. В таком же положении оказались и главы других верховных палат. Однако правом сменить первого президента парламента короли практически не пользовались, хотя и следили, чтобы этот важный пост не передавался по наследству. Существовало понимание того, что хотя, конечно, глава верховного суда и должен влиять на решения своей палаты в нужном для правительства духе, но если нежелательное решение все же будет принято, ему придется отстаивать его перед монархом во имя коллегиальной солидарности – важнейшего принципа функционирования аппарата судебной монархии.

Всякий судебный трибунал был коллегией, где решения принимались большинством голосов. Соответственно нормы коллегиальной солидарности были определяющими в отношениях с высшей властью. Парламентарий мог быть лично не согласен со слишком резким мнением своего коллеги, но считал своим долгом встать на его защиту, если этот коллега подвергался за свое мнение преследованиям со стороны королевской власти. В таких случаях судьи начинали отправлять к монарху одну депутацию за другой с просьбой простить провинившегося.

Преобладание в аппарате судебной монархии юристов означало и преобладание юридического стиля мышления с опорой на прецеденты, со стремлением все согласовывать с устоявшимися нормами. Если Парижский парламент считал своим долгом охранять неписаную «конституцию» всего королевства, то провинциальные парламенты охраняли право своих провинций, а бальяжные суды – обычаи своих бальяжей. Активно проводившаяся в XVI в. работа по кодификации кутюм отдельных провинций играла на руку местному судейскому аппарату. Полная унификация права в масштабе всей страны была бы

не в интересах массы провинциальных юристов, чьи познания оказались бы тогда ненужными. Поэтому ее так и не провели до эпохи Наполеона. Сохранение пестроты локальных обычаев требовало также, чтобы кадры государственного аппарата в провинциях рекрутировались из местных уроженцев.

Все эти особенности судебной монархии не мешали постепенно проводить и через такой аппарат политику централизации. Так, например, королевские суды разных уровней были вполне способны систематически урезать права сеньориальных судов и различные налоговые иммунитеты духовенства. Но все же эта централизация ставилась в известные рамки и не могла идти быстрыми темпами. Королевское законодательство непременно должно было согласовываться с очень богатой правовой традицией, развиваясь преимущественно в форме фиксирования и регламентации уже наметившихся тенденций.

Другое дело, что практика властвования во французской монархии вступала в постоянные противоречия с правовыми нормами. Применение военно-полевых судов после подавления народных волнений не дает возможности говорить о правовых гарантиях для лиц, замешанных в такого рода событиях. Широко известна и одиозная практика т.н. «*lettres de cachet*» (письменные королевские приказы арестовать и содержать в тюрьме такого-то имярек до особого распоряжения). Но все же не следует недооценивать той исторической привычки считаться с правом, благодаря которой если не французское государство, то французское общество того времени уже можно считать правовым: в массе своей французы приучились уважать закон, умели и любили к нему апеллировать, отстаивая свои интересы в судах со страстью, доходившей до сутяжничества. В этом уважении общества к своим судьям была их сила.

В 1526 г. возросший авторитет Парижского парламента был засвидетельствован на международном уровне. Тогда Франциску I, попавшему в плен к императору, пришлось ради своего освобождения подписать унижительный для Франции Мадридский мир. Понимая, что освободившийся из плена король может отказаться от своих обязательств, заявив, что они вырваны у него силой, имперцы настаивали на том, чтобы договор был утвержден если не Генеральными Штатами и Парижским парламентом, то хотя бы последним. Разумеется, этого не произошло: парламент зарегистрировал лишь отказ короля от Мадридского мира, данный по рекомендации собрания нотаблей.

Но чрезвычайная ситуация пленения монарха уже сама по себе спровоцировала рост политических претензий парламента, принявшего оспаривать власть регентши, матери короля Луизы Савойской, и полномочия Большого Совета, возглавляемого самим канцлером

Франции. Вернувшись из плена Франциску I пришлось заняться наведением порядка. В 1527 г. он отменил все акты Парижского парламента, подрывавшие авторитет Луизы Савойской, и провозгласил, что власть регентши должна быть такой же, как и у короля, – принцип, неприятие которого парламентариями породит через сотню лет коллизии Фронды. Монарх отверг и притязания парламента на рассмотрение споров о церковных бенефициях, отнеся их всецело к компетенции Большого Совета. Зато Франциску пришлось выслушать из уст парламентского оратора красноречивую тираду: «Мы хорошо знаем, что Вы выше законов и что никакая внешняя сила не может принудить Вас соблюдать законы и ордонансы, но мы полагаем, что Вы не должны желать всего, что в Вашей власти, но лишь того, что сообразно с разумом, благом и справедливостью, а это и есть юстиция»¹¹.

Между тем в XVI в. произошли очень важные изменения в способе рекрутирования судебных кадров: купля и продажа должностей стали общим явлением. Здесь потребовалось преодолеть психологический рубеж: по исконным представлениям, покупка права вершить правосудие считалась преступной и недопустимой, а вновь назначенные судьи приносили присягу в том, что они не давали денег за приобретение своей должности. Поэтому вначале продажность распространялась в невинной форме кредитования: уже в начале XVI в. стало непреложным правилом, что человек, получивший от монарха судебскую должность, давал королю в долг определенную сумму денег¹². Сперва речь шла действительно о долге, который со временем возвращался, и эта система принудительных займов распространилась настолько, что в 1522 г. была создана специальная служба «казуальных доходов» (*parties casuelles*), занимавшаяся именно расчетами по такого рода поступлениям. Правда, обладатель должности не имел права требовать от монарха возвращения долга, не оговоренного никаким сроком, но все же до середины XVI в. сфера «казуальных доходов» рассматривалась как система кредитования, а не купли-продажи.

К 1550-м годам, при Генрихе II, в обстановке порожденного войной общего финансового кризиса, должностные лица перестали рассчитывать на возвращение своих денег, и по-прежнему взимавшиеся «казуальные» поборы стали восприниматься уже не как займы, а как цена продаваемых должностей. Рынок должностей оформился, хотя

¹¹ RGALF. T. 12. P., 1827. P. 277-278.

¹² См.: *Descimon R. Modernité et archaïsme de l'Etat monarchique: le parlement de Paris saisi par la vénalité (XVIe siècle) // L'Etat moderne: Genèse. Bilans et perspectives. P., 1990. P. 147-161.*

короли и старались сохранять над ним контроль: предоставление права на покупку должности считалось королевским дарением и оформлялось особой грамотой¹³. В 1596 г. из присяги судейских был наконец-то исключен архаичный пункт о неуплате денег. Еще раньше, чем должности судей, стали продажными, естественно, должности финансового ведомства.

Утвердившиеся на своих постах благодаря несменяемости, судейские уже с конца XV в. стали передавать свои должности наследникам, а затем, с распространением принципа продажности, и продавать их посторонним лицам. Оба этих акта (именовавшиеся «резиньяция», т.е. отречение) требовали согласия короля, которое при широком распространении подобной практики принимало, естественно, формальный характер, и как правило сопровождалось взиманием определенного сбора в фонд «казуальных доходов». Была опасность, что резиньяции должностных лиц в пользу их молодых наследников приведут к сильному сокращению фонда продаваемых короной вакантных должностей. Чтобы избежать этого, примерно с 1530-х годов стало применяться существенное ограничение – «правило 40 дней», согласно которому, передача должности должна была произойти не позже чем за 40 дней до смерти дарителя. Если же обладатель должности умирал внезапно или скоротечно, не успев осуществить акт передачи, его семья лишалась оплаченного им достояния: должность объявлялась вакантной и король продавал ее в свою пользу.

Продажность должностей имела важные и многосторонние экономические и политические последствия. С чисто финансовой точки зрения покупка должностей была формой кредитования государства: сразу оплачивая цену должности, покупатель как бы давал государству денежную ссуду, вкладывал свой капитал в функционирование государственного аппарата и потом уже получал с него проценты в виде жалованья. Но тут был и политический смысл: благодаря продажности судейских должностей монарх получал аппарат должностных лиц, не обязанных своим возвышением покровительству вельмож-аристократов. Можно поэтому сказать, что в этой форме материализовался политический союз французской монархии с городскими денежными людьми, создавший противовес притязаниям аристократии на монополию политической власти. Но у такого аппарата, безусловно способствовавшего развитию абсолютизма, появляется и собственный интерес самосохранения. Должность начинает восприниматься почти

¹³ См.: Малов В.Н. Новый источник: регистры дарений Карла IX // ФЕ 2001. М., 2001. С. 94-95.

как наследственное имущество, отношения между ее владельцем и королем приобретают форму негласного контракта: монарх не имеет права уничтожить должность, не оплатив ее стоимостью.

Продажность и наследственность должностей привели к складыванию особого социального слоя одворянившихся по должности лиц (ибо высокие судебские должности давали дворянство; так, все советники Парижского парламента были дворянами) – «дворянства мантии», стремившегося к кастовой замкнутости и создававшего свои особые корпоративные интересы. Сила этой социальной группы была в том, что ее возглавляли парламенты и другие верховные палаты, обладавшие прерогативами регистрации (впрочем, сами они уже стали предпочитать термин «верификация») и толкования королевских актов.

Уже Генрих II почувствовал, что оформляется своего рода новое сословие. Когда в 1557 г., после разгрома армии короля испанцами, он решил было созвать Генеральные Штаты (идея оставшаяся неосуществленной), то предполагал выделить представителей парламентов в особую, четвертую палату («сословие юстиции»), куда хотел персонально пригласить всех первых президентов парламентов и всех вообще советников Парижского парламента. По социальному статусу эта палата уступала бы дворянской, но превосходила бы палату третьего сословия.

Сами судебские чины ставили себя гораздо выше, претендуя на то, что их «сословие», стоящее на страже законности, превосходит по достоинству все другие сословия. В охране законосообразности и традиционности они видели смысл своего существования. Когда тот же Генрих II подарил одну сеньорию понравившемуся ему придворному музыканту, парламент почтительно напомнил в своей ремонстрации, что «король является лишь пользователем (*usufruitier*) коронного домена, и если он не может воздержаться от того, чтобы одарить своими милостями лиц, заслуживших их реальными заслугами перед государством, то он должен ограничить дарение сроком своего царствования»¹⁴. Король как личность и корона как установление могли противопоставляться. В 1581 г. Генрих III на проходившем в королевском присутствии заседании парламента столкнулся с нежеланием парламентариев верифицировать ряд его финансовых эдиктов. Невзирая на это, он приказал канцлеру приступить к регистрации этих актов, и тогда первый президент парламента во всеуслышание заявил: «По закону короля, власть которого абсолютна, эдикты могут пройти, но по

¹⁴ *Glasson E.* Op. cit. P. 23. Генрих спокойно выслушал этот «выговор» и не стал менять своего решения.

закону королевства, основанному на разуме и справедливости, они не могут и не должны быть опубликованы». Про исполнившего волю короля канцлера Бирага стали говорить, что в этот день он был канцлером не Франции, но короля Франции¹⁵.

Термин «дворянство мантии» применим, конечно, не ко всем судьям, но лишь к элите судебной системы. Множество судей провинциальных трибуналов оставались в рядах третьего сословия и составляли подавляющее большинство его делегатов в Генеральных Штатах. Однако они привыкли подчиняться стоявшим над ними верховным судебным палатам, умевшим поддерживать дисциплину по линии своей «вертикали власти», и владели своими должностями на общих для всех судебных юридических основаниях.

Принципиальную важность имеет вопрос, каким общим термином обозначать этот социальный слой французских должностных лиц. К сожалению, в нашей историографии укоренилось совершенно не подходящее к ним обозначение «чиновники», которое я полагаю необходимо заменить специальным французским термином «оффисье»¹⁶. В слове «чиновник» ясно звучит русский корень «чин», а чин жалуются верховной властью за заслуги или по выслуге лет. В отличие от французских должностей, он не продается, не покупается и не наследуется. Чины составляют общегосударственную иерархию, определяемую «табелью о рангах», которой во Франции при существовании рынка должностей быть не могло. Надо иметь в виду и историческую перспективу: настоящие чиновники в привычном для нас смысле слова во Франции появляются только в XVIII веке (до этого министерские клерки считались не государственными, а частными служащими), и если мы будем применять этот термин к более раннему времени, то лишим специалистов по XVIII веку возможности отметить это новшество.

Выше уже упоминалось о таких принципиальных отличиях оффисье от чиновников, как гарантированное обладание должностью, в конечном счете превращавшейся в наследственное имущество, как коллегиальная солидарность вместо индивидуальной ответственности, забота об охране законности вместо беспрекословного подчинения воле патрона. Для оффисье не существовало такого понятия как выслуга лет, которая дает чиновнику награждение или повышение по службе: чтобы

¹⁵ *Glasson E.* Op. cit. P. 39-40.

¹⁶ Этот вопрос уже был поставлен мною в монографии о Кольбере: *Малов В.Н. Ж.Б. Кольбер...* С. 11-12. Термин «оффисье» применим к обладателям не только судебско-административных, но и финансовых должностей, поскольку продажными были должности как судебной, так и финансового ведомств.

восходить по лестнице судейской карьеры, оффисье следовало просто купить более высокую должность. Зато он не знал и канцелярско-бюрократической дисциплины. Поскольку должностей создавалось много – здесь уже действовали чисто фискальные соображения – одну и ту же функцию выполняли поочередно несколько оффисье. Королевский докладчик, например, один квартал заседал в Суде королевских докладчиков, другой квартал докладывал дела в судебной секции Королевского совета, а оставшиеся полгода, если только не был обременен специальными королевскими поручениями по административной линии, были у него свободными. Таким образом, оффисье пользовались не только почетом, но и досугом, и недаром из этого социального слоя вышло много интеллектуалов, составивших славу французской культуры: Декарт, Ферма, Паскаль, Буало...

Конечно, собственность оффисье на их должности не была абсолютной. Хотя они их и покупали, юридически разрешение на покупку считалось королевским дарением. Монарх пользовался правом сместить политически неугодного оффисье, приказав ему немедленно продать должность, но на практике рядовой парламентарий или докладчик мог опасаться этого лишь в исключительных случаях. При этом, если только провинившийся не совершал прямой государственной измены, стоимость потерянной должности ему оплачивалась. Провести же общее сокращение должностей король мог только путем их выкупа.

Впрочем, говоря о процессе складывания слоя наследственных собственников должностей, мы уже перешли к событиям второго этапа в развитии французской абсолютной монархии, который я датирую серединой XVI – 30-ми годами XVII в. и определяю как этап *судебно-административной* монархии. В это время происходит выделение важных чисто административных органов управления, уже не связанных с отправлением судейских функций. Итальянские войны, поставившие монархию перед серьезными испытаниями, а затем Религиозные войны второй половины XVI в. способствовали тому, что короли стали чаще обращаться к новым, более надежным методам управления.

1547 г. – ключевая дата в истории института государственных секретарей, год их первого регламента. Первоначально они были особо доверенными клерками из находившейся под началом канцлера Большой королевской канцелярии, которые редактировали и экспедировали шедшие за подписью короля документы финансового характера. Регламент 1547 г. передал в их руки ведение всей текущей административной и внешнеполитической корреспонденции, которую ранее вели личные секретари отдельных вельмож. Госсекретарей было четверо, и по распределению обязанностей между ними видно, что вначале они рассматривались как ответственные экспедиторы. Это

распределение было построено по чисто географическому принципу: каждый из госсекретарей вел переписку с рядом французских провинций и с расположенными в той же стороне иностранными государствами. Однако вскоре наметился процесс ведомственной специализации. В 1570 г. один из них сосредоточил в своих руках все дела, касающиеся королевского двора. В 1589 г. один из госсекретарей стал ведать всеми вопросами личного состава армии: так возник зародыш будущего военного министерства, окончательно оформившегося в 1624 г. В том же 1589 г. другой секретарь объединил в своей компетенции все иностранные дела и больше уже ничем другим не занимался.

Работа государственных секретарей была многотрудной, они находились в курсе всех текущих дел и их престиж неуклонно возрастал. Естественно, они имели и своих подчиненных, хотя этих «министерских служащих» в XVI в. было еще очень немного: регламент 1588 г. установил, что при госсекретаре может работать одно бюро, состоящее из помощника (*commis*) и шести клерков; все они считались не государственными, но частными служащими своего патрона – секретаря. Зачастую они и работали у него на дому.

Государственные секретари юридически принадлежали к оффисье: они покупали свою должность и могли, с согласия короля, передать ее по наследству, но, конечно, реально передача такой должности всегда контролировалась монархом. Короли часто смещали госсекретарей, оплачивая цену должности, если преемник смещенного министра не имел на это денег.

Иным путем развивалось финансовое ведомство. Здесь, где корона особенно нуждалась в надежном контроле за своими агентами, центральное управление уже с 1550-х годов было сосредоточено в руках коллегии нескольких интендантов финансов (их не надо путать с более известными провинциальными интендантами). Они, в отличие от госсекретарей, были уже не оффисье, а «комиссарами»: это означало, что они исполняли свою работу в силу особого поручения («комиссии») и могли быть в любой момент уволены. С конца XVI в. при этой коллегии постоянно находится генеральный контролер (тоже комиссар) и тогда же, во второй половине XVI в. появилась практика назначения одного из членов Королевского совета как бы куратором финансового ведомства: он руководил заседаниями интендантов финансов и только он докладывал королю об их решениях и рекомендациях. Такой человек назывался сюринтендантом финансов. Эта должность уже в начале XVII в. приобрела большую важность, благодаря тому, что ее занимал знаменитый Сюлли, министр Генриха IV.

И в это же время королевская власть стала широко применять рассылку на места комиссаров с целями как инспекции, так и управления в сфере юстиции или финансов. Вошло в обычай укреплять

такими специалистами советы при губернаторах провинций, на них же возлагалось и исполнение чрезвычайных поручений. В дальнейшем отсюда развилась система провинциальных интендантов. Такие комиссары, конечно, были более надежными проводниками политики централизации, чем местные оффисье, В своих провинциях они оставались людьми из центра, рассчитывавшими сделать в дальнейшем карьеру в Королевском совете (который теперь, и в особенности его высшие, правительствующие секции, стали называть Государственным советом). Звание же государственного советника продажным не сделалось, оно предоставлялось особым королевским патентом. Комиссар, отличившийся в провинции, мог рассчитывать на получение такого патента.

Но нельзя и представлять себе дело так, будто мир комиссаров и мир оффисье были разгорожены какой-то стеной. Например, комиссарами в провинцию часто посылали королевских докладчиков, а эта должность была продажной, то есть в одном отношении они были оффисье с общими для всех оффисье интересами, а в другом комиссарами. Та же ситуация была, если комиссарами становились советники парламентов и других судебных трибуналов: люди, занимавшиеся преобразованием системы управления, по необходимости выходили из недр старого аппарата.

Итак, на втором этапе развития абсолютизма – на этапе судебно-административной монархии – происходят одновременно два потенциально противоположных процесса: распространяются административные методы управления, а с другой стороны, закрепляется система продажности должностей, складывается особая идеология «дворянства мантии». Пока эти процессы шли параллельно: опыт Религиозных войн второй половины XVI в. показал, что традиционный судейский аппарат оставался тогда верной опорой абсолютизма и еще не видел для себя угрозы в усилении административного начала в управлении. Антиабсолютистская оппозиция видела естественный и традиционный ограничитель королевского всемогущества в сословном представительстве, в Генеральных Штатах, а судейских оффисье считала агентами тирании, если не самими тиранами. «Судейские, – говорилось в ее манифесте, «Франко-Галлии» Франсуа Отмана, – не только попрали и присвоили себе весь авторитет собрания сословий, но даже принудили всех принцев королевства и самого короля подчиниться их власти и преклониться перед их величием». Эксплуатируя нездоровую страсть народа к сутяжничеству, парижские парламентарии обогащаются так быстро, «что превратились как бы в маленьких королей»¹⁷.

¹⁷ *Hotman Fr. La Gaule francoise. Cologne, 1574. P. 197-198.*

Формальное присоединение Парижского парламента к Католической лиге в 1588 г. было вынужденным актом, совершенным под давлением ратуши и буржуа. В годы господства Лиги в Париже парламент подвергался чистке, крайние лигеры добились даже казни одного из его президентов – Бриссона – по обвинению в роялизме. Парламентарии, участвовавшие в парижских Генеральных Штатах 1593 г., которые готовились избрать нового короля вместо «еретика» Генриха Наваррского, сначала настаивали на том, что все решения Генеральных Штатов по этому вопросу подлежат верификации в Парижском парламенте, а затем вышли из состава ассамблеи в знак протеста против задуманного нарушения норм французского династического права.

В годы Фронды парламентарии гордились тем, что именно они больше всех способствовали восшествию на трон первого Бурбона. Свою награду они, и вместе с ними все оффисье, получили очень скоро. В 1604 г. произошло важнейшее событие в административной истории Франции – Генрих IV счел выгодным для себя отменить «правило 40 дней»: отныне должность оставалась в обладании семьи покойного независимо от времени его смерти, если только он каждый год аккуратно платил специально введенный новый сбор, который по имени взявшегося собирать его откупщика, некоего Поле, стали называть «полеттой». Полетта дала гарантию наследственности должностей и, следовательно, закрепила права собственности на них. Правда, введена она была не навечно, а на срок в 5 лет и потом регулярно продлялась. Теоретически существовала возможность того, что государство откажется ее возобновлять, но уж против этой угрозы своей собственности судейский аппарат готов был бороться всеми силами.

Ответом рынка на введение полетты стал крутой рост цен на должности, продолжавшийся в течение всей первой трети XVII в. Должность советника Парижского парламента, стоившая в 1597 г. всего 11 тыс. ливров, в 1606 г. продавалась за 36 тыс., в 1616 г. за 60 тыс., а в 1635 г. рыночная цена ее достигла своего максимума: 120 тыс. ливров¹⁸. Советником Эксского парламента в начале XVII в. можно было стать за 3-6 тыс., а в 1637 г. цена дошла до 60 тыс. ливров¹⁹. Должность президента этой же палаты в 1643 г. шла за 75-78 тыс., и эта цена еще считалась умеренной²⁰. Росли и цены на должности в системе

¹⁸ Histoire économique et sociale de la France. T. 1. P., 1977. P. 201.

¹⁹ *Kettering Sh.* Judicial politics and urban revolt in XVIIth century France. The parlement of Aix, 1629-1659. Princeton, 1978. P. 221-222.

²⁰ Внутренняя политика французского абсолютизма 1633-1649 / Под ред. А.Д. Люблинской. М.-Л., 1966. С. 268.

финансового управления. Казначей Франции в финансовых бюро Парижа и Руана в 1586 г. платили за свои должности по 24 тыс., их коллеги в Лионе – 18 тыс. ливров. В 1621 г. эти цены равнялись уже соответственно 80, 65 и 50 тыс. ливров²¹. Все оффисье ощутили скачкообразный рост своего достоинства, вследствие как введения полетты, так и роста политического авторитета судейского «сословия».

Но это сразу же вызвало протест всех, для кого рост цен на должности и закрепление их наследственности резко сузили возможности приобщиться к исполнению престижных функций в судейском аппарате. Вопрос о полетте стал центральным на Генеральных Штатах 1614-1615 гг.²² Ее отмена была главным требованием второй палаты собрания, занятой представителями старого провинциального дворянства, на поддержку которого рассчитывал в своей борьбе за власть принц Конде.

Правительство удовлетворило это требование, отменив полетту, но тогда на защиту ее стал сам Парижский парламент, чьи политические претензии сильно выросли после того как в 1610 г. восшествие на трон малолетнего Людовика XIII создало важный прецедент: именно парламент утвердил тогда регентшей королеву Марию Медичи²³. Поэтому теперь, в 1615 г., парламентарии сочли себя вправе заявить протест по поводу того, что король (формально уже совершеннолетний!) не посоветовался с ними перед тем, как дал официальный ответ Генеральным Штатам на их прошения.

Беспрецедентный шаг был совершен 28 марта 1615 г.: в этот день Парижский парламент пригласил на свое заседание всех пэров Франции, «дабы обсудить предложения, имеющие быть сделанными в интересах королевской службы». Ранее инициатива приглашения пэров в парламент всегда исходила от монарха. Понятно, что правительство немедленно отменило подобное приглашение, но сочло за благо воздержаться и от отмены полетты: его беспокоила явно наметившаяся перспектива политического союза парламента и Конде. Парламент же постарался продемонстрировать возможность такой перспективы: в его ремонстрациях был впервые поставлен вопрос о переменах в составе Королевского совета и включении туда принцев крови. Осознав

²¹ Charmeil J.-P. Les tresoriers de France à l'époque de la Fronde. Contribution à l'histoire de l'administration financière sous l'Ancien Régime. P., 1964. P. 33.

²² См.: Люблинская А.Д. Франция в начале XVII века (1610-1620). Л., 1959. С. 143-173.

²³ Ранее утверждение регента считалось функцией Генеральных Штатов: именно они утвердили в 1560 г. регентство Екатерины Медичи при вступлении на престол Карла IX.

невозможность использовать Генеральные Штаты в борьбе за власть, аристократическая оппозиция отныне предпочитала, если позволяли условия, делать ставку на союз с парламентом. Правда, тогда, в 1615 г., победив в главном для себя вопросе о полетте, парламентарии тут же забыли о политических требованиях и в целом сохраняли лояльность к правительству на протяжении всех гражданских войн 1610-х – 1620-х годов. С тех же пор парламент крепко усвоил очень важный урок: всякое предложение о созыве Генеральных Штатов является антипарламентским и ему нужно противодействовать, иначе повторится ситуация 1614 г., а критиковать политику правительства верховные суды могут и сами.

Следует сказать и еще об одном прецеденте, созданном в 1617 г. и очень пригодившемся впоследствии. Тогда Парижский парламент, исполняя королевскую волю, судил по обвинению в колдовстве Леонору Галигаи, вдову бывшего главы правительства итальянца Кончино Кончини, убитого по приказу Людовика XIII. Вынеся смертный приговор, парламентарии включили в его текст пожелание, далеко выходящее за рамки рассмотренного дела: «И пусть отныне никакой иностранец не будет включен в Государственный совет»²⁴. Тогда никто не мог и представить себе, что эта демонстрация ксенофобии будет иметь практическое значение. А между тем, в скромной форме «частного определения» судьи сформулировали положение, которое они в годы Фронды будут трактовать как закон, принятый по инициативе самого парламента, взявшего на себя роль субъекта законотворчества, – закон, дающий основание требовать отставки другого пришедшего к власти итальянца – кардинала Джулио Мазарини.

Кстати, к самому факту бессудного убийства крайне непопулярного Кончини парламент отнесся с олимпийским спокойствием и о своих правах высшего судебного трибунала не вспомнил. Когда Людовик XIII попросил дать юридическое обоснование совершившегося, парламентарии ответили: «Король не нуждается в оправдании своего поступка, да и личность покойного была незначительной – достаточно будет простого королевского письма (*lettre de cachet*)»²⁵. Явно лукавая (речь все же шла о маршале Франции и первом министре), «стражи законности» сумели и оправдать государственный переворот, и уклониться от выполнения неприятной работы.

При Ришелье наметился третий этап в развитии французского абсолютизма. Для этого этапа было характерно перенесение центра

²⁴ *Glasson E.* Op. cit. P. 131.

²⁵ *Normand Ch.* La bourgeoisie française au XVIIe siècle. P., 1908. P. 255.

тяжести на административные методы управления; поэтому я называю его этапом *административно-судебной* монархии. Он продолжался уже до самой революции. Новым для него был переход судебного аппарата управления в постоянную оппозицию к политике административного нажима.

А.Д. Люблинская высказала мнение, что уже поведение парламентариев на Ассамблее нотаблей 1626-1627 гг. «было своего рода *поворотным пунктом* в переходе от поддержки ими абсолютизма к оппозиции к нему»²⁶. Думается, что это суждение следует соотнести – в отличие от того, что считала А.Д. Люблинская – не с отказом принять предложенный Ришелье план форсированного выкупа королевского домена методом большого принудительного займа, план достаточно наивный и утопичный, но со впервые высказанным настойчивым требованием уничтожить институт провинциальных интендантов – придиричивых контролеров над местными судейскими и финансовыми оффисье.

В 1629 г. противодействие парламента сорвало утверждение большого королевского ордонанса, обобщавшего пожелания Генеральных Штатов 1614-1615 гг. и Ассамблеи нотаблей 1626-1627 гг. Его автором был хранитель печатей Мишель Марийяк (откуда неофициальное пренебрежительное название документа – «кодекс Мишо»)²⁷. Многие здесь было неприятно для парламентариев, но особенно, ограничение срока представления ремонстраций двумя месяцами (ст. 53) и подтверждение в полном объеме контрольных прав провинциальных интендантов, включая их право принимать подлежащие исполнению решения в сфере взимания налогов (ст. 58). Чтобы добиться регистрации ордонанса, правительству пришлось прибегнуть к старинной процедуре «королевского заседания» (*lit de justice*): король 16 января 1629 г. лично явился в парламент и по его повелению огромный документ был зарегистрирован без оговорок.

Но взгляды правительства и парламента на значение этой процедуры были различны. Министры полагали, что королевский акт, зарегистрированный в присутствии монарха, должен исполняться

²⁶ Люблинская А.Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М., Л., 1965. С. 334.

²⁷ Сомнительно утверждение, что фактическим автором кодекса был Ришелье (См.: Черкасов П.П. Кардинал Ришелье. М., 1990. С. 221). Изданные П. Грийоном 4 тома бумаг Ришелье (до 1629 г. включительно), куда вошли письма как самого кардинала, так и адресованные ему послания, не выявили следов особого интереса первого министра к судьбе Кодекса. См.: Les papiers de Richelieu. Section politique intérieure 1624-1642. 4 vols. [1624 – 1629]. P., 1975-1980.

немедленно, без оговорок и обсуждений. Однако парламентарии не желали согласиться с подобным лишением их права на ремонстрацию. Они еще могли бы добровольно отказаться от этого права – и поступали так в прошлом – если бы речь шла о конкретном эдикте финансового характера. Тогда в протоколах появлялась помета: «зарегистрировано по прямому приказанию короля». Правительство не возражало против такой «очистки совести», хотя такая оговорка и была своего рода сигналом для нижестоящих трибуналов о том, что с исполнением сомнительного акта можно не усердствовать. Но в данном случае был утвержден ордонанс, содержащий 461 статью, который не мог быть даже зачитан на «королевском заседании». Регистрация его при таких обстоятельствах в глазах парламентариев выглядела простой формальностью, проделанной из почтительности к личному присутствию монарха. К тому времени они уже осознали нецелесообразность прямой полемики на самих «королевских заседаниях», и с тем большим основанием рассчитывали на постатейное обсуждение ордонанса уже после его регистрации.

Узнав об этой просьбе парламента, королева-мать Мария Медичи, исполнявшая роль регентши из-за отъезда короля к армии, вначале «очень удивилась тому, что парламент хочет обсуждать тетради, верифицированные в присутствии короля». Но правительству всегда было трудно возразить против того довода, что после разбора его актов опытными юристами могут быть найдены еще более выгодные для него решения, и недаром даже Людовик XIV не ставил под сомнение само право верховных судов на «почтительные» ремонстрации. Поколебавшись две недели, королева дала разрешение обсудить ордонанс, создав выгодный для парламента прецедент на будущее. Правда, она отвела на обсуждение всего четыре месяца. При дотошности парламентариев этот срок был явно нереальным, но парламент и сам не спешил приближать момент неизбежной конфронтации: за 4 месяца были обсуждены всего 13 первых статей из 461, и по некоторым были подготовлены ремонстрации. По истечении срока дело замяли. Ришелье тогда был занят покорением гугенотов, организацией военных экспедиций в Италию и борьбой с враждебной ему придворной «партией» Марии Медичи, одним из лидеров которой как раз и был Марийяк. После падения Марийяка в ноябре 1630 г. о его Кодексе уже не вспоминали. Поскольку процедура обсуждения осталась незавершенной, у парламента появилось право считать регистрацию не состоявшейся²⁸.

²⁸ «Кодекс Мишо» опубликован в RGALF (Т. 16. Р., 1829. Р. 223-344) вместе с выписками из регистров парламента о ходе его обсуждения, доходящими до 13 мая 1629 г.

Следующий, 1631 г. ознаменовался резким обострением внутриполитической борьбы: за границу бежали Мария Медичи и наследник престола Гастон Орлеанский, начавший готовить планы вторжения во Францию, дабы покончить с властью ненавистного кардинала. В этой обстановке Ришелье стал отдавать явное предпочтение методам чрезвычайной юстиции, осуществляемой специально назначенными трибуналами. Открылось новое поле конфронтации с парламентом, отстраненным от процессов государственной важности.

Когда арестованный маршал Луи Марийяк, брат смещенного хранителя печатей и активный противник Ришелье, обратился в Парижский парламент с просьбой рассмотреть его дело, король в феврале 1631 г. запретил это парламентариям. Маршала судила чрезвычайная комиссия, и хотя формально дело было не политическим, а уголовным (военачальника обвиняли в казнокрадстве), судьи правильно поняли желания кардинала, и маршал сложил голову на плахе.

Парламент ответил дерзкой политической демонстрацией. Когда 30 марта 1631 г. королевская декларация объявила пособников Гастона Орлеанского виновными в «оскорблении величества», парламент 26 апреля отказался ее регистрировать, «забыв» о том, что политические декларации монарха в принципе не подлежат обсуждению. Конечно, дело было не в сочувствии мятежникам, а в том, что парламентарии сочли обидным отстранение их от расследования столь важного казуса. Их решение было немедленно кассировано Государственным советом, и король заявил, что он отзывает декларацию из Парижского парламента и отправит ее для регистрации и обнародования непосредственно в бальяжи округа этого парламента. Несколько оппозиционеров были высланы из столицы, и депутаты парламента пришлось напомнить монарху об установленном Людовиком XI принципе несменяемости судей, так что уже через несколько дней наказанные получили прощение.

В сентябре 1631 г. в Париже начала работать печально известная Палата Арсенала – чрезвычайный политический трибунал из специально назначенных судей, выносивший смертные приговоры без права приговоренных апеллировать в парламент. Последний запретил было собираться этому трибуналу, но тот сослался на приказ короля. Обращение парламента к монарху с просьбой о роспуске Палаты Арсенала привело лишь к резкому отказу и новым репрессиям против парламентариев, носившим, правда, временный характер.

В 1633 г., уже после разгрома мятежа герцога Монморанси, погибшего затем на эшафоте, парламент отказался регистрировать королевский эдикт, провозглашавший право монарха немедленно распорядиться должностями лиц, заочно осужденных за «оскорбление

величества» (согласно ранее принятым ордонасам, на это требовался срок в пять лет). Акт был все же зарегистрирован, но для этого потребовалось провести специальное «королевское заседание».

Нормы чрезвычайного судопроизводства распространялись не только на политические процессы. В 1634 г. взошел на костер обвиненный в служении дьяволу луденский кюре Юрбен Грандье, пользовавшийся большим уважением своей паствы, но чем-то настроивший против себя лично Ришелье, чьи владения находились по соседству с Луденом. Судьба Грандье произвела особо сильное впечатление на французских юристов потому, что Государственный совет прямо запретил парламенту заниматься его делом. Обвиняемого судил чрезвычайный трибунал во главе с интендантом Лобардемоном. Между тем отношение Парижского парламента к ведовским процессам – в отличие от позиции большинства провинциальных судей – уже тогда характеризовалось рационализмом и скептицизмом. В 1624 г. парламент решил, что все нижестоящие трибуналы должны в обязательном порядке передавать ему на апелляционное рассмотрение все ведовские процессы, если на тех принимались решения о смертной казни или применений пытки. При этом парижские парламентарии очень строго проверяли доказательства вины и систематически смягчали приговоры, заменяя смертную казнь изгнанием или даже оправдывая подсудимых²⁹.

Как видим, позиция парламентов в их профессиональной сфере отнюдь не была ограниченно консервативной. Напротив, их противостояние административному произволу следует считать несомненной заслугой в утверждении норм правового общества. У судей была своя правда, и за нее они упорно боролись.

Наконец, в 1635 г. логика политики Ришелье привела к вступлению Франции в Тридцатилетнюю войну, и это окончательно определило преобладание административных методов управления над судебными. Сразу же обозначился беспрецедентный рост военных расходов. Если в год начала войны поступления от тальи в королевскую казну составляли 7,3 млн. ливров, то через 8 лет они составили 49,8 млн. – стремительный взлет за 8 лет почти в 7 раз!³⁰

Общий доход за это же время вырос с 51,6 до 80,3 млн. ливров. Вопреки давнему стремлению политиков французского абсолютизма (и самого Ришелье) перенести центр тяжести налогообложения на

²⁹ См.: *Mandrou R. Magistrats et sorciers en France au XVIIe siècle. Une analyse de psychologie collective.* P., 1980, а также мой реферат на эту работу в кн.: *История ментальностей. Историческая антропология.* М., 1996. С. 174-179.

³⁰ Цифры подсчитаны по кн.: *Mallet J.R. Comptes rendus de l'administration des finances du royaume de France.* L., P., 1789.

косвенные налоги, никем не контролируемый крестьянский побор талья стал основой доходной части бюджета.

Понятно, что львиная доля государственных расходов приходилась на армию, ее размер необычайно вырос. Соответственно усложнились задачи управления ею, возложенные на госсекретаря военных дел. Выросли и штаты его ведомства: если в конце XVI в. считалось нормой, что каждый госсекретарь имеет в своем распоряжении всего одно бюро, то военное министерство к 1659 г., когда война закончилась, имело их уже целых пять. Для нужд текущего управления было создано немало должностей ординарных военных комиссаров: должности чисто административные, очень недорогие и очень хлопотные – для энергичных молодых людей они могли стать хорошим началом карьеры. Выше их, в масштабе целой армии, управлением стали ведать назначаемые из центра армейские интенданты. Старинный пожизненный сан коннетабля, главы всей военной администрации страны, отмер после кончины в 1626 г. последнего коннетабля Ледигьера. Раньше именно коннетабль, аристократ-военный, назначал всю администрацию, ведавшую управлением полевых армий – теперь такие назначения производились военным министерством. Остались маршалы Франции, но без своего главы, коннетабля, они уступили свои управленческие функции в армии гражданской администрации, превратившись просто в военных специалистов, полководцев в прямом смысле слова.

Важнейшей задачей провинциальных интендантов, число которых за пять предвоенных лет увеличилось вчетверо (с 5 в 1629 г. до 20 в 1634 г.)³¹ и которые теперь стали именоваться «интенданты юстиции, финансов и полиции», стал сбор колоссально выросших налогов. Интенданты уже не только контролировали старые судебные-финансовые учреждения, финансовые бюро в генеральствах – эти присланные из центра люди начали переходить к прямому участию в местном управлении: при Ришелье они получили право взять в свои руки само распределение тальи. Если интендант видел, что местные оффисье финансового ведомства протезируют какому-нибудь богачу, занижая ему ставку налога, то он имел право вмешаться и установить сумму сбора своей властью.

В этой обстановке традиционный судебный аппарат управления, хотя и не перестал обслуживать определенные интересы короны, оказывался в постоянной оппозиции к политике административного нажима. В ходе войны остро встал вопрос о путях развития абсолютизма.

³¹ Bonney R. Political change in France under Richelieu and Mazarin, 1624-1661. Oxford, 1978. P. 31.

Судейский аппарат стоял за исторически выверенный, постепенный путь укрепления абсолютизма в рамках традиционной законности, но в военных условиях именно чрезвычайные методы управления оказывались наиболее надежными и соблазнительными. Конечно, оффисье защищали и свои корыстные, кастовые интересы: чтобы получить деньги на ведение войны, правительство взимало принудительные сборы и с оффисье; оно создавало и продавало новые должности, девальвируя тем самым ценность старых. Важнейшим оружием верховных палат в их борьбе было право верификации королевских актов.

Едва началась война, как 20 декабря 1635 г. было устроено «королевское заседание» парламента, на котором были зарегистрированы целых 13 эдиктов о создании новых должностей. В самом Парижском парламенте должны были появиться 24 новых советника. Заседание было проведено в манере диктата, без зачитывания самих эдиктов. Когда через два дня советники малых (Апелляционных) палат потребовали проведения общего собрания для зачитания новых актов, первый президент отказал им в этом, и сам король своей властью запретил такое собрание. Это означало явное покушение на право ремонстраций: видимо, правительство хотело создать контрпрецедент в противовес данному в 1629 г. разрешению на постатейное чтение «кодекса Мишо» после «королевского заседания». Тогда молодые советники из Апелляционных палат пошли на обострение ситуации, прибегнув к своеобразной форме обструкции: они начали самочинно являться на заседания Большой палаты, требуя общего собрания. Первый президент не мог ни удалить их, ни вести обычную работу в их присутствии. Противоборствующие стороны сидели молча до того часа, когда председательствующий, следуя строгому регламенту, объявлял заседание закрытым. Последовали обычные репрессии с высылкой шести парламентариев. Парламент стал просить об их возвращении, король в этом отказывал... Наконец, правительство все же пошло на уступки: число новых советников было сокращено с 24 до 17. В этом виде эдикт был зарегистрирован 24 марта 1636 г., и высланным было даровано прощение.

Перемирие длилось недолго. Уже в 1637 г., вопреки протестам парламентариев, было создано 20 новых должностей парламентских советников, причем король лично прибыл в парламент, дабы принятие новых членов произошло в его присутствии. Но вплоть до самой Фронды старые советники, несмотря на внушения правительства, третировали новичков, всячески стараясь подчеркнуть их неравноправное положение.

В марте 1638 г. в Париже начались волнения рантье в связи с невыплатой им платежей по государственным рентам, и некоторые

зачинщики их сходов были арестованы. Апелляционные палаты парламента потребовали созыва общего собрания специально по вопросу о рентах. Естественно, они получили отказ – правительство не могло позволить, чтобы верховный суд страны выступил защитником уже не только своих корпоративных интересов, но и горожан Парижа. Далее события развивались по обычному сценарию: самочинные вторжения младших парламентариев в Большую палату, временная высылка активных оппозиционеров... Апелляционные палаты даже объявили «забастовку», отказавшись исполнять свои прямые судебские обязанности, и возобновили работу только подчинившись прямому королевскому приказу.

После нескольких новых столкновений с правительством парламентарии в 1640 г. под впечатлением военных побед Франции присмирели и стали покорно регистрировать финансовые эдикты. Ришелье решил, что обстановка позволяет ему навести порядок в отношениях между правительством и парламентом. Прежде всего, в апреле 1640 г. королевской декларацией было установлено, что отныне младшие палаты отстраняются от участия в регистрации королевских актов. Это правило уже предполагал ввести в 1597 г. Генрих IV, но он приостановил действие своей декларации, получив обещание, что младшие палаты будут вести себя благоразумно – обещание, явно и неоднократно нарушенное.

В феврале 1641 г. на «королевском заседании» парламента был зарегистрирован эдикт о новых правилах ремонстраций³². В обширной исторической преамбуле перечислялись «прегрешения» верховного суда, противопоставлявшего себя королевскому правительству. Верховным палатам в очередной раз запрещалось «заниматься делами, имеющими отношение к управлению государством», если только сам король не даст им такое поручение специальной грамотой. Эдикты политического характера должны были регистрироваться без всякого обсуждения. Что же касается финансовых эдиктов, то если они были зарегистрированы на «королевском заседании», их следовало исполнять без всяких препятствий, «однако наши оффисье могут сделать нам такие ремонстрации, какие сочтут нужными относительно способа исполнения этих эдиктов». Итак, несмотря на все давление сверху парламентарии все же получили зацепку, давшую им право обсуждать финансовые эдикты даже после их регистрации на «королевском заседании», под предлогом поиска наилучших способов их исполнения.

³² RGALF. T. 16. P., 1829. P. 529-535.

При диктатуре Ришелье это не имело значения, но в начале Фронды зацепка будет использована. Желая прочнее утвердить свою власть над оффисье, король в том же эдикте объявил о принудительном упразднении должностей шести наиболее активных оппозиционеров во главе с президентом Первой апелляционной палаты Жан-Жаком Барийоном (1601-1645), и ранее неоднократно подвергавшихся высылкам. Это не было чистой конфискацией (стоимость упраздненных должностей, разумеется, должна была быть оплачена), но все же нарушение нормы несменяемости судей было демонстративным и ничем не прикрытым. Во время регистрации этого эдикта должность первого президента парламента была вакантной, и вскоре ее получил бывший королевский прокурор Матьё Моле (1584-1656), давший письменное обязательство никогда не созывать общих собраний.

К концу своих дней «великий кардинал» мог считать парламент усмирненным и униженным...

В военных условиях главным объектом ненависти и парламентской оппозиции, и народа стали финансисты. Вопрос о системе финансирования заслуживает того, чтобы на нем остановиться особо. Сбор косвенных налогов во Франции всегда сдавался на откуп – сперва по отдельным приходам, затем размеры операций расширились вместе с ростом капиталов. Решающие сдвиги произошли на рубеже XVI и XVII вв. Тогда возникли объединенные компании откупщиков, собиравшие основные косвенные налоги в пределах всего государства (конечно, там, где эти налоги вообще собирали). Это были Компания «Пяти больших откупов» (так назывались главные таможенные сборы), Компания большой габели (основной соляной сбор), Компания эда (акцизные сборы с торговли основными потребительскими товарами). Другие сборы взимались менее крупными компаниями, на провинциальном уровне. Большие компании объединяли по несколько субкомпаний и имели разветвленный штат служащих – налоговых сборщиков. Таким образом, сбор государственных налогов проводили агенты частных откупных компаний, которые себя при этом, конечно, не забывали. Как правило, откуп оформлялся на имя подставного лица, настоящие крупные финансисты предпочитали действовать в тени. Капитал компаний складывался не только из личных средств компаньонов: последние широко пользовались ссужаемыми им капиталами частных лиц, многие аристократы вкладывали свои деньги в откупные компании. Сбор налога в провинции пересдавался центральными компаниями на откуп местным денежным людям. Система сложилась всеобъемлющая, и в дальнейшем ей предстояло укрупниться до такой степени, что в XVIII в. во Франции будет действовать слившаяся из всех этих больших компаний Компания Генерального откупа.

Финансисты получали свои доходы не только от откупа косвенных налогов, и нововведенных поборов (продажа новых должностей и т. п.), но и от кредитования государства – как через распространение обычных, бессрочных государственных займов (рент), так и путем предоставления особенно характерных для военного времени краткосрочных займов. По этим займам они получали огромные проценты, а поскольку норма ссудного процента была жестко ограничена законом, то королевскому казначейству приходилось маскировать незаконные выплаты разными приемами фиктивной бухгалтерии. Но всякий заем нуждается в гарантиях, тем более такой, сопряженный с нарушением официальных норм, да еще в условиях, когда кредиторы короля были не иностранцами, а его же подданными. До самой наполеоновской эпохи во Франции не существовало Государственного банка, через который естественнее всего было бы обеспечить гарантии прав кредиторов. Поэтому финансисты предпочитали давать в долг не непосредственно государству, но сюринтенданту финансов или его служащим именно как частным лицам, с которых можно было бы востребовать деньги в случае государственного банкротства, и те уже от своего имени кредитовали короля. Во время войны от руководителей финансового ведомства требовалось прежде всего умение организовать кредит, а для этого сами они должны были быть богатыми людьми с надежными связями в финансовом мире. Крупнейшие финансисты старались, чтобы ключевые посты в финансовом аппарате были заняты их, говоря современным языком, «лоббистами».

То же явление отмечалось в провинциях, где происходил симбиоз государственных налоговых учреждений и аппарата откупщиков. Оффисье финансового ведомства, сборщики талья были не только собственниками должностей с общими для всех оффисье интересами, но и самыми настоящими финансистами, поскольку они по условиям сбора налога все время должны были авансировать корону из собственных средств, которые они собирали, составляя компании и заключая займы. С 1640-х годов талья зачастую и прямо сдавалась на откуп: если откупщик еще не имел должности сборщика, он осуществлял сбор в порядке комиссии, отстраняя от дел сборщика-оффисье.

Тем не менее, правительство имело возможности административного нажима на финансистов. Наиболее ярким проявлением такой политики были так называемые «палаты правосудия» (*chambres de justice*) – судебные органы, периодически создававшиеся в годы мира, когда потребность в кредите ослабевала и корона могла отнять у своих кредиторов в судебном порядке часть их богатств, освятив таким образом вынужденное государственное банкротство. Напротив, в военное время финансистов приходилось задабривать, но угроза возможного в будущем судебного преследования сама по себе вредно влияла на

систему кредита: финансисты стремились нажиться как можно скорее, заламывая огромные проценты. А с другой стороны, память о прошлых «палатах правосудия» настраивала общественное мнение против финансистов. Ненависть к ним – людям, наживавшимся на войне – была велика, ибо простой народ видел в них причину повышения налогов.

У верховных палат были свои причины враждебно относиться к финансистам. Во-первых, палаты видели в них, как и в интендантах, приспешников деспотизма, поскольку пособничество финансистов именно и позволяло правительству пренебрегать возражениями судейской верхушки против новых финансовых эдиктов: достаточно было найти откупщика, который взял бы на себя практическую сторону дела, и новый сбор начинал взиматься несмотря на всю его юридическую сомнительность. Во-вторых, высшее «дворянство мантии» стремилось превратиться в замкнутую корпорацию, не допуская в свою среду новых выходцев из третьего сословия, а финансистам как раз хотелось приобретать – если не для себя, то для своих детей – высшие судейские должности, и они имели к тому возможности благодаря как богатству, так и протекции, оказываемой им в правительственных сферах.

Антифинансистская и вообще антиналоговая программа обеспечила Парижскому парламенту возможность стать на первом этапе Фронды лидером широкого антиправительственного движения.

* * *

Идеология абсолютной монархии складывалась замедленно, в борьбе противоречивых тенденций, и подчас сильно отставала от практики³³. Сам термин «абсолютизм» как синоним деспотического правления появился только в XIX в., но «абсолютным» своего монарха французы считали издавна, только смысл этого прилагательного не включал в себя вначале понятия всевластия, а скорее – завершенности, совершенства. И здесь на первый план изначально выдвигалась идея независимости, неподвластности короля внешней силе, будь то император или папа. Чтобы быть таковым, монарх должен был быть единственным источником законов, и римское право давало легистам Филиппа Красивого ряд броских формул: «*Rex solutus legibus est*» («Король не связан законами»), «*Quod principi placuit legis habet vigorem*» («То, что угодно государю, имеет силу закона»), «*Princeps solus conditor legis*» («Только государь создает закон»)...

³³ Рекомендую читателю очень интересный сжатый обзор этой проблематики в кн.: *Cosandey F., Descimon R. L'absolutisme en France. Histoire et historiographie*. P., 2002.

Итак, король в принципе может делать все, особенно в чрезвычайных обстоятельствах, когда «нужда не знает закона», но общим мнением было и то, что монарх не должен делать все, что он может. Место внешних противовесов занимали внутренние, сила морали и обычая. Были законы христианской морали и не зависящие от светской власти нормы канонического права. Был феодальный обычай, требовавший, чтобы важные дела король решал в совете со своими первыми вассалами и прислушивался к их мнению. Утвердившийся в XIV-XV вв. «салический закон» престолонаследия исключал произвол монарха в назначении его преемника: какими бы враждебными ни были отношения короля с законным наследником трона, он не мог лишиться его наследства. Именно поэтому теоретики права (Боден, Луазо) даже не считали французскую монархию наследственной (*héréditaire*) – ведь новый монарх ничем не был обязан своему предшественнику, и в каждый данный момент все знали, кто является престолонаследником. В XVI в. осмысляется понятие «фундаментальных законов» королевства, которые король не может нарушить, ибо они лежат в основании государства. Помимо салического закона, к ним, несомненно, относился принцип неотчуждаемости коронного домена. Монарх мог лишь закладывать его, но не продавать: это имущество принадлежало не ему, а короне, государству.

Сложность ситуации, при которой постоянное декларирование всемогущества короля сочеталось с реальными ограничениями его власти, привело к парадоксальному сосуществованию в современной французской историографии полярных точек зрения на абсолютную монархию: если одни историки утверждают, что французская монархия была абсолютной всегда («со времен Хлодвига») и в течение столетий лишь раскрывала заложенные в ней потенции, то другие пишут, что она никогда не была абсолютной (понимая этот термин в слишком «абсолютном» смысле)³⁴.

Знакомство в XIII в. с политической теорией Аристотеля, принятой также католическими теологами, прежде всего Фомой Аквинским, привело к представлению о «смешанной монархии» (*monarchie mixte*) как об идеальной форме государственного устройства. Отношение великого философа античности к монархии было сложным: он считал ее и «первоначальным и самым божественным» из всех видов государственного строя, и в то же время, можно сказать, самым рискованным, поскольку отклонение от нее – тирания – было, безусловно, наихудшим из всех возможных отклонений (Политика, кн. IV, гл. II 2).

³⁴ *Cosandey F., Descimon R.* Op. cit. P. 193 sq.

Интерес Аристотеля к поискам «прекрасно смешанного государственного устройства» (Там же, кн. IV, гл. VII 6) способствовал тому, что французские авторы стремились доказать: их государство является идеальным поскольку в нем гармонично смешаны черты монархии, аристократии и демократии, и это, естественно, ограничивает власть короля.

В начале XVI в. идея о превосходстве «смешанной монархии» была общепринятой. Ее сторонники могли опереться на авторитетное мнение Эразма Роттердамского: «Государь предпочтет, чтобы его монархия была умеренной, смягченной заимствованиями из аристократической и демократической форм правления, дабы не впасть в тиранию»³⁵.

В конце века официальная точка зрения католической церкви была высказана ведущим идеологом Контрреформации Роберто Беллармино: «Мы же, следуя за блаженным Фомой и другими католическими теологами, из трех простых форм правления, конечно, на первое место ставим монархию, хотя, учитывая испорченность человеческой природы, считаем более полезной для людей сего времени монархию, умеренную началами аристократии и демократии, чем простую монархию»³⁶.

В роли демократического начала естественней всего было представить выборные Генеральные Штаты, и в этой форме идея «смешанной монархии» получила большое распространение в годы Религиозных войн второй половины XVI в.³⁷

Вместе с тем, политическая мысль Франции не оставила без внимания то усиление роли парламента, которое было следствием введения принципа несменяемости судей. Писавший в начале XVI в. Клод Сейссель считал, что превосходство французской монархии состоит в том, что она «не полностью абсолютная, но и не слишком ограниченная; она регулируется и сдерживается хорошими законами, ордонасами и кутюмами»³⁸. Именно судейский аппарат является главной сдерживающей и контролирующей силой: «во Франции он обладает большим авторитетом, чем в любой другой стране, в частности потому, что парламенты были созданы специально для того, чтобы сдерживать королей, которые захотели бы пользоваться абсолютным могуществом»; авторитет судей тем выше, «что они несменяемы (*perpetuelz*), и короли не властны их уволить иначе как в случае должностного

³⁵ Цит. по: *Jouanna A. Le devoir de révolte. La noblesse française et la gestation de l'Etat moderne 1559-1661. P., 1989. P. 288.*

³⁶ *Bellarmino R. Scritti politici. Bologna, 1950. P. 96.*

³⁷ См.: *Jouanna A. Op. cit. P. 167.*

³⁸ *Seyssel Cl. De. La grande monarchie de France. P., 1557. F. 10.*

преступления»³⁹. Ограниченная таким образом «абсолютная власть королей не становится меньшей, но тем более достойной, чем лучше она отрегулирована. И если бы она была более всеобъемлющей и абсолютной, она была бы хуже и несовершеннее: ведь и могущество Бога не считается меньшим от того, что Он не может грешить и творить зло»⁴⁰. Примечательно, что Сейссель, в отличие от других авторов, не придает никакого значения Генеральным Штатам и вообще не считает нужным вводить в монархию демократическое начало: функцию необходимого контроля выполняют парламенты.

Современник Клода Сейсселя, великий итальянский мыслитель Никколо Макиавелли также считал Францию примером хорошо организованного государства с умеренным правлением, причем особую роль в поддержании разумного баланса сил отводил парламенту. В отличие от Сейсселя, он видел главное сдерживающее начало в аристократии: «Король Франции... окружен многочисленной родовой знатью, признанной и любимой своими подданными и, сверх того, наделенной привилегиями, на которые король не может безнаказанно покуситься»⁴¹. Парламент же укрепляет власть короля: отнесенная самостоятельность судей дает монарху возможность политического лавирования. Верховный суд и держит знать в узде, и в то же время защищает ее от народа. «Устроитель этой монархии (Людовик XI – В.М.) не стал вменять это в обязанность королю, чтобы знать не могла обвинить его в потворстве народу, а народ – в покровительстве знати, и создал третейское учреждение, которое, не вмешивая короля, обуздывает сильных и поощряет слабых»⁴².

Истинным основателем политической теории абсолютизма следует считать Жана Бодена (1530-1596), автора знаменитого и многократно переиздававшегося трактата «О государстве» (1576). «До той революции, которую произвело определение Боденом законодательного суверенитета, политическая культура абсолютной монархии не могла полностью осознать законность своих действий», – полагают современные французские исследователи Ф. Козандей и Р. Десимон⁴³. Труд Бодена создавался в обстановке сложной идеологической борьбы, и его главной теоретической задачей была полемика даже не с крайними оппонентами – «монархромахами», провозглашавшими, что весь суверенитет в государстве должен принадлежать «народу» (в элитарном

³⁹ *Seyssel Cl. De. Op. cit. F. 11v^o-12.*

⁴⁰ *Ibid. F. 13-13v^o.*

⁴¹ *Макиавелли Н. Государь. М., Харьков, 1998. С. 58-59.*

⁴² Там же. С. 100.

⁴³ *Cosandey F., Descimon R. Op. cit. P. 292.*

понимании этого термина) – а именно со сторонниками теории «смешанной монархии», означавшей разделение суверенитета (основополагающее понятие, введенное Боденом) между несколькими «силовыми центрами». «Некоторые, – писал Боден, – утверждали и печатали, что французское государство (Estat)... состоит из трех государств (républiques): Парижский парламент как бы представляет аристократию, три сословия (Генеральные Штаты – *В.М.*) – демократию, а король – королевское государство (Estat Royal). Это мнение не только абсурдно, но и преступно. Ибо является оскорблением величества считать, что подданные способны быть компаньонами суверенного государя»⁴⁴. Стремясь опровергнуть это «преступное» мнение, Боден вступает в спор с самим Аристотелем, детально разбирает приведенные тем примеры «смешанных правлений» и приходит к выводу, что таковых никогда не существовало: во всех случаях речь шла о вариациях одной из трех основных форм правления. Значит, суверенитет всегда един и во французской монархии он должен всецело принадлежать королю; нужно исходить из этого основного тезиса и не пытаться совершенствовать монархическое государство аристократическими или демократическими заимствованиями.

Этот суверенитет Боден понимает прежде всего как неограниченную власть в сфере законодательства. Только король может издавать законы и отменять их. Монарх не связан никакими законами (кроме, естественно, «фундаментальных»), в частности и законами его предшественников; правда, и сам он не может рассчитывать на то, что его законы будут соблюдаться преемниками. Король может изменять и местные правовые нормы (кутюмы); принятый обычай созывать для этого сословные собрания – не более чем обычай, никак не связывающий государя. Все это, однако, не означает полного своеволия: кроме законов, исходящих от короля, существуют еще и договорные отношения («конвенции»), в которые монарх вступает как бы на равных со своими подданными, например, беря у них в долг или идя им на уступки ради умиротворения страны. Все такие «конвенции» должны соблюдаться королем безоговорочно, ибо он является гарантом соблюдения всех частных обязательств и не может нарушать свое королевское слово. В этом отношении он даже более связан, чем простой сеньор, его подданный: в отличие от этого последнего, монарх не может без причины сместить своего оффисье или отнять феода у своего вассала. Правда, подобно законам короля, его «конвенции» также юридически необязательны для преемников.

⁴⁴ *Bodin J. Les six livres de la République. P., 1986. T. 2. P. 21.*

Боден проводит четкую грань между публичным и частным правом. «Королевская, или законная монархия, – определяет он, – есть та, где подданные повинуются законам монарха, а монарх законам природы, оставляя своим подданным их естественную свободу и право собственности на имущество»⁴⁵. Может показаться очень странным, что Боден после почти полутора веков произвольного взимания королевской талы – поразительный пример отставания теории от практики! – все еще считает, что «ни один государь в мире не имеет права взимать по своему усмотрению налог со своего народа: ведь это все равно, что присваивать чужое имущество»⁴⁶. Поэтому он без колебаний причисляет к абсолютным монархиям Англию, хотя английские монархи не только в теории, но и на практике не могли собирать налоги без согласия парламента – в этой «естественной» ситуации Боден не усматривает никакого разделения суверенитета.

Правильной «королевской монархии» Боден противопоставляет «сеньориальную монархию» (государство восточного типа, где монарх по праву завоевания распоряжается как жизнью, так и имуществом своих подданных, согласных с таким порядком) и «тираническую монархию», царство чистого произвола. Одно отмеченное им отличие короля от тирана могло вызвать горькую усмешку уже у его современников: «Король раздает имения и должности, дабы избавить свой народ от вымогательств и ограбления, а тиран продает их как можно дороже, дабы дать купившим возможность ослабить народ грабежами; а потом он наказывает грабителей, чтобы его считали добрым судьей»⁴⁷. Суверенитет короля проявляется в том, что все главные оффисье должны только от него получать утвердительные грамоты на свои должности – Боден не придает значения тому, что распространившаяся продажность должностей делает эту процедуру формальной.

Итак, абсолютный суверенитет монарха, по Бодену, действует в политической и юридической сфере (монопольное право законодательства, объявление войны и заключение мира, чеканка монеты, рассмотрение всех дел в последней инстанции и помилование осужденных и т.п.), но не в сфере финансовой политики. Король может ввести новый налог, но для реального взимания этого налога, как мы видели, требуется согласие представителей общества.

Однако главный долг всех королевских слуг – в обстановке гражданских войн для Бодена важно подчеркнуть именно это – состоит

⁴⁵ *Bodin J.* Op. cit. P. 34-35.

⁴⁶ *Ibid.* T. 1. P. 201.

⁴⁷ *Ibid.* T. 2. P. 58.

в повиновении воле монарха. Когда приказ государя нарушает нормы гражданского права, которые всегда могут быть им пересмотрены, магистраты обязаны ему повиноваться, если представленные ими ремонстрации будут отклонены. И даже если монарх нарушает естественные законы, но поправить уже ничего нельзя (приводится пример убийства древнеримским императором Каракаллой его брата и соправителя Геты), то лучше склониться или даже найти оправдания для этого акта. «Гораздо лучше склониться перед суверенной волей, во всем ей повинаясь, чем отказываться повиноваться суверену, подавая его подданным пример мятежа»⁴⁸.

Виднейшим продолжателем теории Бодена стал парижский адвокат Шарль Луазо (1564-1627), главный труд которого в трех частях («Трактат о сеньориях», «О праве должностей» и «Трактат о сословиях») появился в 1608-1610 гг. и впоследствии не раз переиздавался. Луазо исходит из различия между понятиями «должность» (исполнение общественной функции без права собственности на нее) и «сеньория» («власть в собственности»). Последнее понятие, по сравнению с трактатом Бодена, усложняется, вводятся его подразделения: «публичная сеньория» и «частная сеньория». «Публичная сеньория» законна только тогда, когда вся она принадлежит монарху, это и есть «суверенитет», единый и неделимый. Ее узурпация частными лицами, подданными государя (то есть квазисуверенная власть феодалов, для которой Луазо вводит понятие «сюзеренитет», и в частности сеньориальная юстиция) в принципе абсурдна. «Частная сеньория» есть власть над имуществом и людьми, а во Франции, где нет рабов, это – только власть-собственность над своим имуществом. Здесь различается право верховных собственников – сеньоров (*directe*) – и право непосредственных собственников – цензитариев (*utile*).

Как и Боден, Луазо противопоставляет хорошую и плохую форму монархического строя, «государей-суверенов» и «государей-сеньоров». Этим последним принадлежит не только публичная, но и частная сеньория – власть как над имуществом, так и над телами их подданных. Их государства – восточные деспотии (например, Турция, Московия, Эфиопия). Этот вид монархии недостойн христианских государей, «которые по доброй воле уничтожили рабство в своих землях»⁴⁹.

«Наилучшая из всех возможных в мире монархий» – Франция – является «королевской», а не «сеньориальной» монархией. Публичная сеньория французских королей ограничена законами – божественными,

⁴⁸ Bodin J. Op. cit. Т. 3. P. 113.

⁴⁹ Loyseau Ch. Seigneuries // Loyseau Ch. Les œuvres. P., 1666. P. 16.

естественными и фундаментальными законами государства. И вообще французский король «имеет больше признаков и свойств оффисье, чем сеньора»⁵⁰. Он служит своему государству как его первое должностное лицо. В этом служении монарх даже менее свободен, чем простой оффисье: он не может ни передать свою власть заместителю, ни отречься от должности; он не должен отчуждать какие-либо коронные права или земли без согласия сословий. «Суверенные государства созданы не ради государей, но ради народа, который нуждается в главе»⁵¹. Провозгласив короля первым оффисье его государства, Луазо возвеличивает тот судейский аппарат, и в частности парламент, который так много сделал для утверждения на троне Бурбонов. К тому же он теоретически обосновывает вмешательство королевских судей в дела «абсурдной» сеньориальной юстиции и не возражал бы против полного упразднения последней, если бы это было возможно. «Сильный монарх – сильные судьи» – основной принцип Луазо, который еще не предвидит конфликта между ними.

Однако он недовольтно отмечает, что утверждение принципа продажности должностей сильно уменьшает уважение народа к королевским судьям. Отношение Луазо к только что введенной полетте самое отрицательное: «Никогда еще не было дано столь неразумного и пагубного совета, как совет сделать должности во Франции полностью наследственными»⁵². Принимая и одобряя принцип несменяемости судей, он вступает с ним в противоречие, чувствуя, что этот принцип ограничивает абсолютный суверенитет монарха, который, как подчеркивал и Боден, ни в чем не должен быть связан волей его предшественника. Юридически все привилегии отменяются смертью давшего их государя, так что оффисье могут быть лишены новым королем их должностей «даже без возвращения им уплаченных денег»⁵³.

Достаточно противоречиво и отношение Луазо к правам монарха в сфере налогообложения. Не вызывавшая сомнений у Бодена неправомочность короля собирать налоги без согласия сословий ставится под вопрос и в конечном счете отвергается: все же три десятилетия не прошли даром, теория ощутила потребность наконец-то сблизиться с практикой. Что же делать, отмечает Луазо, если сейчас право произвольного взимания налогов присвоено почти всеми государями, «а потому не следует более сомневаться в том, что наш король Франции, почти лишенный других финансовых возможностей, вправе

⁵⁰ *Loyseau Ch. Offices* // *Ibid.* P. 149.

⁵¹ *Ibid.* P. 151.

⁵² *Ibid.* P. 194.

⁵³ *Ibid.*

собирает деньги без согласия Штатов, каковые не имеют никакой доли в суверенитете»⁵⁴. Но тут же возникает сомнение, обусловленное теорией самого Луазо: ведь в «королевской монархии» суверен обладает только публичной сеньорией, властью правителя и судьбы. Если он будет покушаться на имущество своих подданных, не будет ли это означать превращение его публичной сеньории в частную, а королевской монархии в сеньориальную, то есть в деспотию? На этот вопрос Луазо находит только один ответ: дело в размерах обложения, в сеньориальной монархии государь поступает «по произволу» (*à discretion*), а публичная сеньория французского короля должна регулироваться «справедливостью» (*justice*)⁵⁵. Как видим, качественное расширение сферы королевского суверенитета не обошлось без потенциальной апелляции к судейскому аппарату, и в годы Фронды последний воспользуется этой возможностью: кому же как не юристам следить за справедливостью налогообложения?

После Шарля Луазо перейдем к третьему основоположнику теории французского абсолютизма Кардену Лебре (1558-1655). Старший современник Луазо, он пережил его на четверть века, достигнув почти столетнего возраста, и занимал гораздо более высокое социальное положение: генеральный адвокат Парижского парламента в 1604-1619 гг., он затем стал членом Государственного совета, вошел в доверие к Ришелье; в 1632 г. Лебре был членом чрезвычайного трибунала, приговорившего к казни маршала Марийяка, и был слух, что именно его мнение оказалось решающим.

В том же 1632 г. вышло его главное сочинение «О королевском суверенитете», где автор дал непревзойденное по образности определение: «Суверенитет так же неделим, как точка в геометрии»⁵⁶. Соответственно король обладает монополией политической власти и ни с кем делить ее не может. Монарх вправе законодательствовать один, ни с кем не советуясь. И если все же иногда он спрашивает совета у принцев, регистрирует свои акты в парламенте и созывает Генеральные Штаты, то делает это лишь из уважения к старым обычаям и чтобы народ лучше повиновался его приказам.

Для Лебре уже нет сомнений в том, что король может взимать налоги не спрашивая согласия подданных. В этом он как раз и видит важнейшее отличие абсолютной монархии от ограниченной; а французская монархия, по мнению Лебре (разделяемому, как мы упоминали, и

⁵⁴ *Loyseau Ch. Seigneuries*. P. 25.

⁵⁵ *Ibid.*

⁵⁶ *Le Bret C. De la souveraineté du Roy*. P., 1632. P. 71.

некоторыми современными французскими историками), в принципе всегда была абсолютной, просто королям раньше хватало доходов с домена, а теперь, из-за военной ситуации, монарх стал пользоваться своим правом в полном объеме⁵⁷. Никакие привилегии не могут помешать этому праву, в военное время все иммунитеты теряют силу, и государственная необходимость становится высшим законом.

Злободневный вопрос о законности чрезвычайных королевских трибуналов, действующих в обход обычной системы правосудия, лично заседавший в них Лебре решает так, как и подобало сподвижнику Ришелье: рассмотрение дел государственной важности король может поручить кому угодно. Он четко фиксирует подчиненное положение парламентов по отношению к Государственному совету, который должен помогать королю исправлять ошибки парламентов, подобно тому как эти последние вправе следить за порядком в трибуналах подчиненных им бальяжей.

Вместе с тем, Лебре пишет не только о правах короля, но и об ограничениях его власти, которые не противоречат неделимости суверенитета, но позволяют отличать французскую абсолютную монархию от сеньориальной монархии деспотических государств. В частности, одним из таких ограничений – помимо необходимости соблюдать нормы религиозной и естественной морали и «фундаментальные» законы государства – является требование уважать право частной собственности. В отличие от Бодена, Лебре не считает неограниченные прерогативы монарха в сфере налогообложения присвоением собственности его подданных – этот вопрос относится им всецело к сфере публичного, но не частного права. Во всех прочих случаях король не вправе посягать на имущество частных лиц, а если он использует чужое имущество в силу государственной необходимости, то должен заплатить за него.

Для абсолютного монарха важно сохранение «обратной связи» с подданными, и поэтому нужно время от времени созывать Генеральные Штаты: отсутствие сословно-представительных собраний – признак деспотического правления. Верховные палаты имеют право на деловые демонстрации, исходя при этом из презумпции справедливости королевских актов и не доводя дело до опасного противостояния с правительством. Если новые поборы вводятся «по насущной необходимости, ради общего блага... отказ в их верификации был бы чистым неповиновением»⁵⁸. Даже если государь забывает об ограничениях своей власти, сопротивление ему (кроме как в вопросах религии) недопустимо: это

⁵⁷ *Le Bret C.* Op. cit. P. 395-396.

⁵⁸ *Ibid.* P. 244.

означало бы «перевернуть весь строй монархии, сделать оффисье равными королю, и даже выше короля»⁵⁹.

Что касается рассмотрения частных дел, то Лебре признает преимущественные, естественные права регулярной юстиции (для дел государственного значения всегда можно было создать чрезвычайные трибуналы) и ограничивает возможности королевской эвокации саамыми очевидными случаями (добровольный отказ самого суда и наличие родственных связей между судьями и участниками процесса).

И к продажности должностей, и к полетте Лебре относится резко отрицательно, но никаких мер по их отмене не предлагает. В отличие от Луазо, он не видит здесь ограничения суверенных прав монарха, подчеркивая лишь практические неудобства системы продажности: дороговизна юстиции, разбухание судейского аппарата, рост цен на должности, делающий их доступными только для богатых. Остается неясным, относится ли фактическая собственность на должности к той сфере частной собственности, которая должна быть неприкосновенна для монарха. Любопытно, впрочем, что через десять лет, в издании сборника своих работ 1643 г. – после смерти Ришелье, когда внутриполитическая конъюнктура изменилась в пользу парламента – Лебре ввел в свой труд принципиальное добавление о неприкосновенности собственности оффисье: «поставление на должность (*provision*) по своей природе имеет характер вечности (*trait perpetuel*) ... никто не может быть лишен своей должности»⁶⁰. Таким образом, дарование должности приравнивается к договору между королем и оффисье, а при таких «конвенциях», как указывал еще Боден, монарх должен свято соблюдать свое слово. Правда, по тому же Бодену, такие обещания юридически не связывают преемников монарха, так что обоснование прав собственности оффисье, не говоря уже о его конъюнктурном характере, у Лебре остается достаточно сомнительным.

Кроме того, в издании 1643 г. Лебре считал нужным добавить сентенцию о том, что король, не слушающий советов оффисье, вредит своей репутации, и убрал пассаж об опасности сопротивления судейских королю в случае их слишком упорных ремонстраций⁶¹.

Лебре стоит за сохранение всех сословных привилегий и вместе с тем считает, что хорошо бы сократить число освобожденных от талли, что надо облегчить положение бедняков: «теперь же по всей стране мы

⁵⁹ *Le Bret C. Op. cit. P. 527-528.*

⁶⁰ *Picot G. Cardin Le Bret (1558-1655) et la doctrine de la souveraineté. Nancy, 1948. P. 188.*

⁶¹ *Ibid. P. 212.*

видим лишь крайне жестокое, чтобы не сказать бесчеловечное отношение к простому народу»⁶². Абсолютная монархия «должна считать своей главной целью всеми способами обеспечивать благосостояние подданных»⁶³, не только управляя правосудие и охраняя внутренний мир, но и активно регулируя хозяйственную жизнь страны. Лебре жалеет, что короли не занимаются лично финансовой администрацией (Людовик XIV исправит этот недостаток); его совет монарху всегда иметь при себе книжечку с записями государственных расходов и доходов через тридцать лет будет дословно повторен Кольбером.

Карден Лебре был еще достаточно умеренным теоретиком абсолютизма. При Ришелье появлялись и более радикальные высказывания, оправдывавшие государственною необходимостью любые действия монарха. В сочинении Ф. де Бетюна «Государственный советник» (1632 г.) провозглашалось право монарха «устроить без всякого суда тайное убийство тех, кого нельзя наказать без смуты и опасности для государства»⁶⁴. Литератор Ж.-Л. Гез де Бальзак в трактате «Государь» (1631 г.) отрицал границы права на административный арест: «Разве простого подозрения, легкого недоверия, приснившегося государю сна недостаточно для того, чтобы он предохранил себя от склонных к мятежу подданных, даровав им, вместо всякого наказания, их же собственный покой?»⁶⁵. Такие суждения, конечно, были крайностями, но о них стоило сказать как о характерных для чрезвычайной ситуации «рывка», сделанного абсолютизмом при Ришелье.

Итак, к 1630-м годам теория единого и неделимого королевского суверенитета стала господствующей в официальной политической мысли Франции. Оппозиция еще могла сожалеть о «смешанной монархии», но уже видела, насколько эта теория не соответствует практике⁶⁶. Парламентарии, гордившиеся той помощью, которую они оказали восшествию на трон династии Бурбонов, признавали и утвержденный ведущими юристами принцип королевского суверенитета. Идеал

⁶² *Le Bret C.* Op. cit. P. 411.

⁶³ *Ibid.* P. 2.

⁶⁴ Цит. по: *Thuau E.* Raison d'Etat et pensée politique a l'époque de Richelieu. P., 1966. P. 280.

⁶⁵ *Guez de Balzac J.-L.* Le Prince. P., 1631. P. 200. Впрочем, автор этой колоритной сентенции вскоре перешел в оппозицию.

⁶⁶ Авторы некоторых памфлетов, появившихся после смерти Ришелье, считали главной виной кардинала то, что он отверг модель «смешанной монархии», отказался от раздела суверенитета между королем, грандами и Генеральными Штатами. – См.: *Ferretti G.* Elites et peuples à Paris, 1642-1650. La naissance de l'historiographie sur Richelieu // *Nouvelles de la République des Lettres.* Napoli, 1997. № 1. P. 129.

«смешанной монархии» был чреват усилением роли Генеральных Штатов, а их враждебное отношение к интересам судейской элиты вполне определилось. Переход к состоянию хронических конфликтов с правительством был слишком недавним фактом, чтобы быть осмысленным теоретически.

Но сосредоточение всего суверенитета в руках короля еще не решало вопроса, каков будет механизм осуществления этого суверенитета и какую роль при этом будет играть парламент. Последний, разумеется, был заинтересован в том, чтобы решить эту проблему наиболее выгодным для себя образом. Парламентарии могли опереться на мнение авторитетнейшего юриста XVI в. Ги Кокийя (1523-1603): «Законы и ордонансы королей должны быть опубликованы и верифицированы в парламенте или в другой суверенной палате... в противном случае подданные не обязаны их исполнять. Если же палата добавляет к акту публикации, что он совершен по настоящему требованию короля, то это значит, что она не считает данный эдикт разумным»⁶⁷. Таким образом, суверенные палаты, не имея права собственной законодательной инициативы, оказывались все же необходимым и авторитетным органом осуществления королевской воли. Это мнение, безусловно, противоречило абсолютистской доктрине Лебре о праве монарха законодательствовать единолично.

Разрешение этого противоречия было трудным, и самая постановка вопроса о разграничении сфер компетенции короля и парламента была нежелательной, ибо могла привести к открытой конфронтации с короной. К тому же парламентарии были далеки от единства. Когда в феврале 1648 г. регентша Анна Австрийская потребовала от них ясного ответа на вопрос: претендует ли парламент на то, чтобы вносить от себя поправки в эдикты, зарегистрированные на «королевском заседании», это вызвало продолжительные прения. Вопрос действительно был принципиальным: внося даже самые мелкие поправки без согласования с правительством, парламент как бы присваивал себе долю суверенитета. Докладывавший по этому делу старый советник Ж. Коклэ заявил, что «власть короля независима и абсолютна, и ему нельзя противоречить иначе как в форме ремонстраций»⁶⁸.

⁶⁷ *Coquille G.* Institution au droit des François. P., 1611. P. 3. Разумеется, лояльные парламентарии, напротив, видели в последней оговорке проявление почтительности и покорности.

⁶⁸ *Le Boindre J.* Debats du Parlement de Paris pendant la minorité de Louis XIV... – Archives Nationales. U 336. P. 44-45. Уже после моего ознакомления с этой интереснейшей архивной рукописью она была опубликована под этим названием (Т. 1. P., 1997; Т. 2. P., 2002).

Еще до этого обсуждения второй президент Анри де Мем говорил: «Власть наших королей никоим образом не делится между ними и их подданными, вся она сосредоточена в их особе...»⁶⁹. Но прозвучали и другие голоса. Мнение советника Клемана Леменье было: «Всевластие королей ограничено, ибо существуют законы, которым они подчиняются, и среди них тот, который требует верификации их эдиктов в парламенте, коему они дали такое право вместе со свободой голосования»⁷⁰; но все же кончил он тем, что призвал воздержаться от ответа, дабы не подрывать власть короля.

Так и поступили. Передавая королеве 3 марта 1648 г. решение парламента, генеральный адвокат Омер Талон (1595-1652) сказал, что опасные рассуждения на эту тему означали бы попытку «проникнуть в секрет величия и в тайну власти»⁷¹. Правда, затем он, в ораторском увлечении, провозгласил, что «парламент стоит во главе народа, имея нечто от суверенитета (*avec le caractère de souveraineté*), дабы защищать интересы народа и говорить о его нуждах, и в этом качестве он может возражать против повелений королей, не гневя их упорным противодействием, но умоляя о справедливости». Однако при внесении своей речи в парламентские регистры Талон спохватился и снял этот слишком смелый пассаж⁷². В общем же королеву заверили, что парламентские постановления всегда имеют в виду оговорку «если королю то будет угодно» (*sous le bon plaisir du roi*). Анна Австрийская заявила, что довольна таким разъяснением.

Идеологической позиции умеренной части парламента в целом более всего соответствовало представление о нераздельном единстве власти короля и его судей. «Власть парламента не отделена от королевской; напротив, королевская власть находится в парламенте как в своем средоточии», – эту удачную формулировку дал один из парламентариев Жан Лекок де Курбвиль 3 марта 1648 г.⁷³

Но как быть, если внутри этого двуединого, но все же неделимого суверенитета возникают конфликты? Как мы видели, обсуждение подобного вопроса представлялось неудобным, но при Ришелье такие конфликты стали очень уж частыми, и у парламентариев была потребность оправдать свое постоянное противодействие воле абсолютного монарха. На помощь приходили метафоры, одной из них воспользовался в своей речи 31 июля 1648 г. Омер Талон. Он уподоблял

⁶⁹ *Le Boindre J.* Op. cit. P. 35.

⁷⁰ *Ibid.* P. 46.

⁷¹ *Talon O.* *Memoires.* Т. 2. P., 1827. P. 135.

⁷² *Le Boindre J.* Op. cit. P. 60. Cf.: *Talon O.* Op. cit. P. 136.

⁷³ *Le Boindre J.* Op. cit. P. 49.

короля Солнцу, а парламент – облакам. «Солнце – отец и создатель облаков... оно делает их благодетельными для земли... но оно не обвиняет их в мятеже, когда они останавливают силу его лучей и мешают им обжигать землю...»⁷⁴. Эту метафору Талон предварил рассуждением о закономерности антагонистической борьбы противостоящих сил в природе и обществе, создающей естественное равновесие; на основании этого рассуждения Э. Коссман окрестил такую теорию «барочной»⁷⁵. Но надо учесть, что то было уже время начавшейся Фронды, радикализировавшей парламентских идеологов. Сама же по себе метафора дает картину не воинственного, а спокойного, гармонического «противостояния» Солнца и облаков.

Возражения Парижского парламента не ограничивают королевскую власть, – говорил в феврале 1648 г., еще до начала Фронды, один из ее будущих лидеров Пьер Бруссель (1576-1654). Свой тезис он подкрепил образным сравнением: «подобно этому аркбутаны кажутся сопротивляющимися большому строению, тогда как на деле они его поддерживают»⁷⁶. Здесь уже противоречие вообще снимается, объявляется мнимым. Корона сама должна быть заинтересована в «оппозиции» парламента, чтобы из легитимной монархии не превратиться в деспотию: ведь все теоретики абсолютизма подчеркивали коренное отличие между двумя этими формами правления.

Парламент претендовал на то, чтобы играть свою роль хранителя законов, врага всяких чрезвычайных мер. В выступлениях парламентариев звучали мотивы «политического деизма». Так, на первом «королевском заседании» парламента после смерти Людовика XIII 18 марта 1643 г. Омер Талон напомнил, что «Бог редко преступает обычные законы природы, хотя Он сам их и установил», а потому короли также «должны быть чрезвычайно осторожными, вводя всякого рода новшества, противоречащие старым и обычным законам государства, составляющим основание монархии»⁷⁷. Можно согласиться с суждением Кр. Вишер о традиционалистском характере политической концепции парламента «в той мере, в какой она отдает предпочтение унитарной гармонии естественного и божественного порядка при

⁷⁴ *Talon O.* Op. cit. P. 234.

⁷⁵ *Kossman E.H.* La Fronde. Leiden, 1954. P. 27-28. Есть несколько вариантов этой речи Талона. Наиболее мягкий содержится в его «Мемуарах», более радикальные – в современных памфлетах (*L'histoire du temps*. P., 1649. P. 152-156) и особенно в отдельном издании – *Seance du roy Louis XIV en son lict de justice en Parlement*. P., 1649, где сказано (р. 7): «В природе все существует только благодаря противоречиям и борьбе; элементы сохраняют себя борясь друг против друга...».

⁷⁶ *Le Boindre J.* Op. cit. P. 30.

⁷⁷ *RGALF*. T. 17. P., 1829. P. 10.

равновесии напряженностей между различными составляющими его телами»⁷⁸.

И по этой традиционной гармонии нанесла жестокий удар диктатура Ришелье. «Самую легитимную из монархий он превратил в самую отвратительную и опасную тиранию, какая когда-либо существовала», – так оценивал в своих «Мемуарах» итоги правления Ришелье идеолог Фронды кардинал Рец (1613-1679)⁷⁹. Об охватившем страну всеобщем страхе перед политическим сыском поведал в одном из своих памфлетов Матьё де Морг, бывший сотрудник Ришелье, примкнувший затем к «партии» королевы-матери и ставший эмигрантом: «Два человека не смеют по-дружески поговорить между собой, даже шепотом – сначала им приходится закрыть двери, перетряхнуть ковры и проверить, нет ли дыр в полу или в дверных засовах, через которые можно было бы следить за их жестами»⁸⁰.

Понятно, что в этой обстановке среди парламентской молодежи, заседавшей в младших палатах, распространялись тираноборческие настроения и недовольство «соглашательством» своего руководства, так что даже характеристика власти монарха как «абсолютной» становилась для них одиозной, хотя этот термин, как мы видели, без возражений принимался судейской верхушкой. Молодой советник Жан Лебуэндр в своих записках, которые уже не раз цитировались выше (он писал их в 1673 г., оставшись верным идеалам своей молодости) ставит знак равенства между абсолютной властью и деспотией; Фронду он характеризует как борьбу «между абсолютной и деспотической (чтобы не сказать тиранической) королевской властью – и силой юстиции, властью законов, при последних содроганиях французской свободы»⁸¹.

Но чтобы подобные взгляды повлияли на позицию всего парламента, позволив ему на время стать общепризнанным лидером анти-абсолютистской оппозиции, нужны были чрезвычайные обстоятельства и, прежде всего, непомерная тяжесть военных расходов вместе с потерей надежды на скорое заключение мира.

⁷⁸ *Vicherd Chr.* Des raisons idéologiques de l'échec du parlement de Paris // La Fronde en questions. Actes du 18e colloque du Centre Méridional de rencontres sur le XVIIe siècle. Aix-en-Provence, 1989. P. 322.

⁷⁹ *Retz J. F. P., cardinal de.* Mémoires. T. 1. P., 1935. P. 84.

⁸⁰ *Thuau E.* Op. cit. P. 121.

⁸¹ *Le Boindre J.* Op. cit. P. 1.